

Владимир Митрофанов

Телохранитель

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Владимир Митрофанов

Телохранитель

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Митрофанов В. С.

Телохранитель / В. С. Митрофанов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Восемнадцатилетнего спортсмена-единоборца, ожидающего призыва в армию, нанимают охранять школьницу. Его задача сопровождать ее от школы до дома и на подготовительные курсы в университет. Казалось бы, простая работа, но поначалу он не знал, чья она дочь...Содержит нецензурную брань.

© Митрофанов В. С., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Владимир Митрофанов

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ.

Итак, если свет, который в тебе тьма, то какова же тьма? (Матф 6:23).

Виктор Ховрин, как всегда в это время, молотил руками и ногами по мешкам в зале, когда тренер Михалыч позвал его из дверей тренерской:

– Витя! Ховрин! Подойди-ка сюда! С тобой хотят поговорить!

Что-то уж необычно ласково звучал его голос. Обычно ведь гавкал, как собака, постоянно ворчал. Даже подозрительно. Виктор подошел, разгоряченный и запыхавшийся.

Рядом с Михалычем стоял мужчина лет сорока-сорока пяти, одетый как типичный офисный клерк: в очках, в расстегнутом пальто, в распахе которого виднелся темно-синий костюм, ослепительно белая рубашка. Красный галстук и очки в тонкой оправе дополняли этот облик. Ховрин тут же предположил какое-нибудь банковское предложение, типа кредита или какой-нибудь новый вид страхования на время службы в армии. Оказалось, совсем другое.

– Валерий Константинович Коротков, – представился мужчина, протянув Ховрину руку. – А вы – Виктор, так?

Ховрин пожал длинные сухие пальцы и кивнул.

– Можно на «ты»? – спросил мужчина.

Ховрин снова кивнул.

– Я хочу предложить тебе, Виктор, работу. Суть ее очень простая: провожать мою дочь Катю – ей семнадцать лет – из школы и с подготовительных курсов домой.

Ховрин ничего не ответил. Валерий Константинович, вздохнув, продолжил:

– Сейчас очень опасные времена, а она поздно возвращается домой. Ты, я вижу, парень крепкий, к тому же ее ровесник. Походишь с ней по их подростковым тусовкам. Мы будем платить тебе две тысячи в день в случае, если ты выходишь на работу. Возможно, потребуется выходить даже не каждый день.

Ховрин подумал: «Почему бы и нет?»

Тренер, будто бы и не слушавший вовсе, тут всунулся в разговор:

– Тренироваться вполне можешь утром и днем, а вечер у тебя всегда будет от тренировок свободный.

Как-то странно он был подозрительно добрый. Наверное, какие-то знакомые его попросили об этом деле, а может, и ему что-нибудь перепало.

Впрочем, в последнее время никаких проблем с посещением тренировок не было вообще: хочешь – ходи, хочешь – не ходи, поскольку Ховрин был дисквалифицирован на год и никакие ближайшие соревнования ему не грозили. А произошло следующее. Он выступал на городских соревнованиях по киокушинкай-карате в Зимнем Манеже. Правила в этом виде, как известно, довольно жесткие: соперники лупят друг друга по корпусу кулаками и ногами, в голову же бить руками нельзя. Ховрин тогда немножко странно проиграл в финале своему сопернику по очкам, но потом они сцепились уже после сигнала окончания боя, и он отправил чемпиона ударом ноги с полного разворота в голову в глубокий нокаут. Возник страшный скандал, закончившийся дисквалификацией. У того парня оказались влиятельные покровители и спонсоры: то ли отец его, то ли родной дядя был большой шишкой в МВД, поэтому даже раздались крики: «Полиция! Где полиция?», но у них вдруг тут же оказались и такие же влиятельные противники, которые пришли к тому что: «Это спорт и всякое случается!» На следующий день организаторы просмотрели видеозапись в замедленном режиме, и оказалось, что зачинщиком драки был сам пострадавший чемпион, он первым и ударил, но тот уже сутки находился в реанимации, то есть получил свое, и дело замяли. Впрочем, через неделю его из

больницы выписали вполне здоровым. А для Ховрина все закончилось дисквалификацией на год. Всего-то! Про него тут же как бы и забыли: тренируйся по собственному плану, скажи спасибо, что вообще пускают в зал. Дело в том, что весной он уходил в армию.

Ховрин занимался карате с шести лет – как только пошел в первый класс. Отец не принимал отговорки типа «не хочу», «устал», «болит живот» и так далее, и Ховрин постепенно втянулся. Положительным следствием занятий единоборствами было то, что никто никогда не говорил ему: «Ща-ас ка-ак дам по ебалу!» или «Говоришь, нет денег? А если найду?» Один тип как-то, не глядя, кинул ему подобную фразу, не подумав о последствиях, правда, приглядевшись, тут же осекся, хотел открутить назад, но было уже поздно. Думается, больше никогда и никому так говорить уже не будет. Люди быстро учатся на таких примерах. Стоит ребенку один раз тронуть горячую печку или огонь, чтобы больше никогда в жизни так не делать. Через физическую боль до людей все доходит очень быстро. Слова же люди почему-то понимают плохо. Поэтому раньше в школах лупили розгами, ставили коленями на горох и оставляли без обеда.

Валерий Константинович между тем продолжил:

– В школе нападение маловероятно, а вот по дороге домой вполне возможно. Хотя школа тоже несет определенный риск. Одну девочку за какую-то провинность школьницы в туалете били ногами, таскали за волосы. Это стало известно из записи на мобильный телефон, а то родители зачинщицы той расправы уперлись: наша дочь не могла такого сделать. Пока не показали запись, стояли на своем. Полиция, однако, отмахнулась: по возрасту уголовной ответственности подростки не подлежат, разбирайтесь сами. – Валерий Константинович сокрушенно покачал головой. – Совсем озверела школоты. Это потому что в кино и по телевизору постоянно драки и убийства. Ей нужна охрана в промежутках между школой, курсами в университете, бассейном, теннисом и домом. Как я уже говорил, взрослый охранник будет мозолить глаза, вызывать раздражение, ей будет стыдно, а ты запросто сойдешь за ухажера, одноклассника, парня из соседнего двора. Она согласна, – тут он как-то не слишком уверенно сказал, с заминкой. – И еще, на всякий случай: никаких любовей-морковей не разводите. Помни – она еще несовершеннолетняя... Кстати, у тебя подружка есть?

– Ну.

– Это хорошо. Помни профессиональное правило телохранителей: держать дистанцию с объектом охраны. Ты понял?

– Понял, понял, – проворчал Ховрин. – Смотрел в кино... Все телохранители мутят с охраняемыми тетками. Это плохо.

– То-то... Главная проблема состоит в том, что у нас одиннадцатый класс – то есть последний год учебы, а у нее в школе недавно убили старшеклассницу. Конечно, девчонка та была, как говорится, оторви и брось: с пятнадцати лет «зажигала» по ночным клубам, уже ходила по взрослым мужикам, говорят, имела старшего друга, которого представляла как своего продюсера. Только чего он там такого продюсировал – непонятно. ("Драл, наверное, во все дыры", – подумал Ховрин, но, понятное дело, промолчал). Потом ее одноклассницу убили. Тоже любила погулять и вот пропала еще осенью, родители потратили уйму денег, искали ее по всей стране, нанимали агентство – тщетно. Однажды показалось, что будто нашли где-то в Мурманске, даже поехали туда, но оказалось, что не она. Очень похожая девчонка, но не она. И тут оказалось, что когда смотрели фотографии неопознанных трупов, то выяснилось, что еще второго ноября в каком-то подвале был обнаружен труп убитой и сожженной девушки, которую тогда не опознали и похоронили как неизвестную под номером. А на фотографии мать узнала ее по волосам: очень красивые были длинные рыжие волосы и по ключам от дома, обнаруженным в кармане обгоревшей куртки. Сейчас будут делать эксгумацию и генетическое исследование, чтобы точно определить личность. Родители еще надеются, что не она, но ошибка вряд ли возможна. Так вот следователь – точно придурак! – принес фотографию в школу, показал

классной руководительнице, а та – тоже не от большого ума – вызвала и показала ближайшим подружкам, еще и нашей Катюхе. Той стало дурно, случилась истерика. У другой ее подружки на днях отобрали телефон – подошли два таджика-гастарбайтера, дали молотком по лицу. Их поймали, те ни «бе» ни «ме» – по-русски не говорят, вроде как нужен был телефон позвонить домой – уважительная причина. Двух других девочек из их школы избили ногами и зачем-то били специально по лицу – уж не знаю, за что, – какие-то кавказцы, может быть, девчонки отказали им в общении, как-то не так ответили – неуважительно. А может быть, и просто так. Такое тоже случается. И вот еще на днях кто-то за ними гнал. Еле успели заскочить подъезд. Она теперь вообще боится ходить по улицам одна, особенно вечером. А у нее сейчас два раза в неделю языковые курсы в университете, бассейн, теннис, еще и репетиция ансамбля. Хоть все бросай, но ведь это же невозможно! Жена в трансе: вечером сидит у окна и смотрит на улицу. И звонить ей тоже боится. На прошлой неделе девчонка-соседка – Катькина ровесница – шла по нашему двору поздно, да тут ее мамаша ей и позвонила, та вынула телефон, чтобы выключить сигнал, но не успела – на этот сигнал из тьмы вылетела компания пьяных подростков, дали ей в лоб и отняли новый смартфон – это буквально в десяти шагах от подъезда. Мамаша даже в окно это видела, но ничего сделать не могла. Полиция приходила, как всегда со скучным видом: а нечего ходить так поздно и мобильники дорогие детям покупать, то есть, значит, сами и виноваты. А тут еще ходят слухи про нового маньяка в нашем районе – нападения в лифтах, ребенка украли. Не знаю: правда или нет...

Ховрин важно кивнул: маньяк – тема всегда популярная. Народ любит ужастики.

Валерий Константинович с сухим шорохом потер руки.

– Если честно, я не думаю, что это так серьезно, возможно, просто сложились обстоятельства, но я готов на это пойти ради душевного спокойствия Елены Михайловны, ее мамы, и, естественно, своего собственного. Надо как-то этот период пережить. У Кати после всех этих происшествий возник небольшой психоз. Она стала бояться. И ее можно понять: подружка, с которой сидели, считай, за одной партой, убита и сожжена. Все эти идиоты-следователи с фотографиями. Она теперь спит с невыключенным светом. Потом еще постоянные разборки в школе: на той неделе опять девочку избили в туалете, что-то они там не поделили: сигарету что ли или парня. Кто – она не говорит или не знает. Сейчас у них стали женские туалеты контролировать: теперь на переменах там постоянно сидит уборщица. А как иначе?

Он сделал паузу, собираясь с мыслями.

– Нанимать профессиональную охрану, понятно, очень дорого, – продолжал Валерий Константинович, – да и вряд ли в данном случае необходимо, и к тому же это будет бросаться в глаза. А ты сойдешь за ее парня, приятеля, двоюродного брата. Согласись, вряд ли к девушке, которая с тобой, кто-то пристанет и будет отнимать телефон. Задача твоя очень простая: встретить ее и проводить до дома. Сопроводить на курсы и назад. Получил-сдал. Все просто.

Ховрин пожал плечами. Ничего нового Валерий Константинович, по сути, и не сообщил. Обстановка была самая что ни на есть обычная: всюду бьют и грабят. Нередко утром идешь и, особенно зимой, на свежем снегу видны свежие пятна крови. А иногда и в подъезде, да и в лифте на полу накапано. Кто этого не видел?

Недолго подумав, он согласился: работа, по сути, непыльная – всех-то дел с девчонкой прогуляться – всяко же лучше, чем горбатиться на стройке на морозе да под дождем или ползать по крышам – прокладывать кабели для Интернета. Последние два месяца он работал кабельщиком. Работа была довольно грязная и однообразная. Целыми днями лазали по чердакам и крышам. Работяги в бригаде были странные: каждый день мечтали о пиве, и еще футбол посмотреть. Других интересов у них будто и не было. Хотя обычно кто-нибудь непременно говорил, глядя симпатичной женщине вслед: «Я бы ей вдул!» И еще утомляло договариваться с охраной зданий и администрацией территорий и домов. Все смотрели подозрительно, и главное, хотели что-то с этого получить. «А что я с этого буду иметь? – был первый вопрос

любого администратора. На это зудело ответить: «С чего ты должен что-то с этого иметь? Кто ты вообще такой? Говно!» Ведь жильцы улучшают качество жизни, получают Интернет, цифровое телевиденье, а эти и тут хотели взятку. Система.

И это притом, что могли и кинуть: взять да и вообще не заплатить. Так недавно кинули одного знакомого парня: три месяца отпахал на испытательном сроке, а потом ему сказали, что, мол, ты нам не подходишь, и тут же уволили. Когда начал выступать, приехали суровые ребята и отлупили его. Хочешь – жалуйся! Любой судья спросит: «Где контракт? Нет письменного контракта – до свидания!» Да и в теперешней конторе несколько раз уже задерживали зарплату: то хозяин уезжал на зимние каникулы с женой в Таиланд или ему самому понадобились деньги для каких-то других целей, типа машину поменять. И тоже договоров подписанных ни у кого нет. И тоже мог вызвать бандитов из "крыши", те просто бы выгнали, а бандитам заплатить проще, чем работягам – получалось даже дешевле. И еще такие случаи были нередки: например, хозяин придирался к пустякам, говорил: «Вы плохо сделали, я вам платить вообще не буду!» Это которые из крутых, на которых не наедешь. Звериные законы капитализма. А тут гарантированная штука в день без особых хлопот.

Затем Валерий Константинович вручил Ховрину заранее заготовленную распечатку ближайших мероприятий.

Ховрин, взглянув, остался доволен. Утром обычно работы нет, можно выспаться, сходить в спортзал, заняться своими делами: Валерий Константинович по дороге в офис сам заводит дочь в школу, в четыре тридцать она возвращается домой при белом дне в сопровождении Ховрина по многолюдной улице, к шести Ховрин вместе с ней едет на курсы в университет и в восемь встречает ее и провожает до дома. В девять он уже свободен. Это в понедельник и в четверг. Во вторник вечером у Кати какой-то кружок типа театрального или музыкального в Доме Творчества Юных рядом со школой до семи, в среду – теннис в пять и потом бассейн до восьми. Пятница – только теннис. Суббота и воскресенье – по ситуации, но обычно работа в эти дни не планировалась.

– Доводишь Катю до дверей квартиры, сдаешь нам и тут же получаешь расчет. Все просто.

Тут Валерий Константинович посмотрел в ежедневник, что-то вспомнил, спросил:

– Права есть?

– Есть.

– Давно получил?

– Месяц назад.

– Да, уж... – Валерий Константинович потер подбородок. – Но в целом это хорошо, могут пригодиться. Хотя тут по расстоянию все близко, а в центр на машине ездить неудобно: пробки, проблемы с парковкой. На метро получается даже проще и быстрее. Да и Катю в машине, бывает, укачивает, тошнит. Хотя сейчас уже меньше. Тебе когда в армию?

– В мае.

Валерий Константинович задумался.

– Получается всего три месяца. Немного не хватает, но там уже будем думать.

Потом сказал:

– Ладно. Поехали, покажу, где мы живем, и познакомлю тебя с Катей.

Ховрин переоделся, вышли из спортзала на улицу.

Подшел какой-то тип. Попросил закурить. Это был человек явно из уже увядшего движения «готов» – с черными, высоко бритыми на ушах, волосами и в длинном, тоже черном, пальто, болтающемся шарфе и с «кенгурушкой» за плечами, в которую была вшита гигантская металлическая молния. Ховрин помотал головой. Тип ушел прочь.

Валерий Николаевич проводил его взглядом.

– Это и есть панки?

– Вроде как готы.

– А это кто такие? – спросил Сергей Константинович.

– Один момент. Есть точное определение.

Ховрин пошерудил в смартфоне, зачитал:

– «Ну, готы это такие ушлёпки, которые морду отбеливают, волосы красят в сине– чёрный цвет и шатаются с кислыми мордами, якобы мечтают о смерти, это я знаю, а вот гламурных готов представить что-то не получается. Волосы у "правильного" гота должны быть черными, иногда с красным или лиловым прядями, виски выбритыми, лицо мертвенно-бледным (никакого загара!), глаза обведены черным, губы и ногти красятся в черный или кроваво-красный. Украшения самые разнообразные, но из белого металла, кожи и камней. Особое предпочтение, разумеется, отдается черным камням. В наследство от панков готам достались шипованные ошейники и браслеты. Последние, впрочем, носят еще и металлисты. Что до браслетиков, браслетов и браслетищ, диадем, серег, амулетов и разного вида колец и "когтей", закрывающих весь палец, то тут равных готам нет...» – Далее добавил уже от себя: – Готы вообще непредсказуемые. Одну девочку в Купчине однажды убили и съели. Сказали, что просто хотели есть или же из-за какого-то обряда, – я так и не понял. В холодильнике нашли части тела и голову...

– А вот эти, как их, – Виктор Константинович пощелкал пальцами, припоминая, – эмо? Были раньше такие – с челками на лоб. Сейчас не знаю, есть или нет.

Ховрин снова влез в смартфон:

– Вот пишут: «Я теперь узнал, кто такие эмо, они хуже сволочей. Это такие детишки, которые плачут напоказ и носят всякую чёрно-розовую дрянь. И музыка у них такая же слезливо-сопливая. Короче, чистые придурки, а я-то уже подумал, что глупее этих долбанных готов ничего и быть ничего не может, однако век живи век учись...» Это движение тоже отходит, как и готы. У нас в школе я ни одного эмо не видел.

Валерий Константинович покивал головой:

– Тут нам еще повезло. Катя, слава Богу, никуда не входила – ни в какие такие секты и группировки. Думаю, было бы видно. Я как-то с ней в прошлом году был на одном концерте. Там почти все были какие-то сумасшедшие, словно ввавшие в массовый транс. Скакали, орали, поднимали руки. Хотелось зажать уши и спрятаться куда-нибудь. Одну девочку на концерте буквально затоптали. Уж не знаю, осталась ли она жива. Там стояла «скорая» и даже не одна.

– Вам надо было просто немного поддаться! Иначе там делать нечего, – авторитетно заявил Ховрин. – А у нас в школе в основном младшеклассников гнобили.

– Известно, младших всегда шпыняют, в школе тоже есть своя дедовщина, но я что-то такого в своей бывшей не помню, то ли просто забылось. Плохое ведь быстро забывается. У нас есть сотрудник, молодой, успешный парень, несколько лет учился в дорогой частной школе в Германии, так он рассказывал, что там тоже в этом плане было довольно жестко. Дети вообще жестокие. Любят дразнить, обижать. В Катинем классе одно время учился такой парнишка по имени Сурен, родители у него были приезжие откуда-то с юга, но очень богатые, однажды в коридоре на перемене он сцепился с девчонкой, они стали драться, волосы полетели клочками, завуч вмешалась – и ей тоже досталось. Сурен был в ярости, невменяем. Его выгнали из школы, а потом звонила его мать: ругалась, орала, что вы сами-де довели ребенка! Так, говорят, вопила – казалось, что телефон взорвется! В суд на школу грозилась подать... А какие еще есть молодежные группировки?

А Ховрин добавил:

– Еще есть скины и антифаны. Скины и антифаны враждуют, лупят друг друга. Главное, чтобы между ними не попасть. Скины бьют черных и азиатов, антифаны их защищают и бьют скинов, и вся эта группировка антифанов состоит большей частью из метисов и нацменов, которые живут здесь уже давно или здесь родились.

На этом сия довольно содержательная беседа закончилась. Валерий Константинович остался в некотором недоумении.

Затем на автомобиле Валерия Константинович, а это оказался черный седан «Ауди», приехали к дому – обычной панельной девятиэтажке, Ховрин тут же получил электронный ключ-таблетку от двери в подъезд. Поднялись на лифте на пятый этаж, подошли к солидной металлической двери, Валерий Константинович позвонил. Открыла женщина, видимо, Катина мама, ей было, по виду, чуть больше сорока. Она была красивая, но когда улыбнулась, стали видны первые признаки возраста – в углах рта и глаз уже поселились морщинки. Ее звали Елена Михайловна.

– Леночка, Катю позови, пожалуйста, – попросил ее Валерий Константинович, снимая пальто. Ховрину он раздеться не предложил. Заметив в его глазах вопрос, сказал: – Познакомлю вас, и будешь свободен.

– Ладно.

Тут в прихожую вошла девушка в футболке, под которой вытарчивали небольшие груди, явно без лифчика, поскольку видно было и чуть-чуть выпячивающие соски. Ховрин тут же на них непроизвольно и уставился. Катя, заметив это, скрестила руки на груди, слегка выразив ртом гримаску неудовольствия. Ховрин ожидал увидеть какую-нибудь «ботаничку» в очках и с бледным лицом, но девушка была вполне даже ничего.

Валерий Константинович представил его:

– Катя, это Виктор. Он будет провожать тебя из школы на курсы, на теннис и в бассейн. Завтра начинаем. Попробуем, как получится. Итак, – он взглянул на второй экземпляр списка и повернулся к Ховрину: – завтра в четыре ты встречаешь ее у школы, далее вы едете на курсы. И, пожалуйста, давай без капризов! – это он уже Кате.

Тут же они с Ховриным и распрощались.

Ховрин поехал домой на метро. В переходе между станциями стояла дебильного вида девушка лет восемнадцати с картонкой в руках, где было кривыми буквами накарябано «Помогите! Умерла мама». Это выглядело бы душещипательно, если бы эта самая девица не стояла там же с той же надписью и полгода назад.

По дороге он зашел в магазин «Пятерочка». Встретил там бывшего одноклассника Борю Дергачева. Перекинулись с ним парой слов. Дергачев был студентом Бонча, имел белый билет и подрабатывал политическим оппозиционером и вроде бы неплохо на этом имел.

– Я эту страну ненавижу, – как-то разоткровенничался он, будучи в подпитии. – Иногда даже не пойму и почему. Меня тут все раздражает. Как услышу балалайку или визгливые бабские народные песни типа «Ой, рябина кудрявая», так буквально всего коробит до судорог. Больше всего ненавижу «Катюшу». Бывает, вроде и хорошо что-то сделают, и тоже почему-то раздражает. Дорогу вон хорошую сделали – и это раздражает. Понятно, надо валить, но валить нужно конкретно куда-то и хоть бы как беженец, чтобы пособие дали, на работу определили...

Жизненные цели у него были в целом определенные:

– Куда угодно, только подальше из Рашки! В Америке, говорят, можно хорошо жить нахаляву, по крайней мере, пока учишься, а потом найду какую-нибудь телку и к ней привалюсь...

Но и теперь деньги у него водились. Кто-то его явно подпитывал. Он был прирожденный оппозиционер, всегда болел за любую команду, которая играла против России. Такая у него была особенность психики. Ховрина это удивляло.

– Что ты об этом думаешь? – спросил Ховрин как-то у Юрика Васильева, своего одноклассника и друга с первого класса.

– Я думаю, что он скрытый пидар. Вот и вся причина, – заключил Юрик.

– Почему? – удивился Ховрин.

– Все пидары таинственным образом ненавидят Россию и притягиваются к Западной Европе, особенно к Англии и Голландии – тут какой-то исторический феномен и генетически кодированный механизм, требующий специального изучения, возможно, как проявление

общей деградации, – глубокомысленно отвечал Юрик. – У них жопа считается половым органом, ее даже в кино сейчас затуманивают, чтобы не смущать народ. Жопа почему-то считается важнейшим органом в этой среде... Тут в каком-то городе разоблачили полицейских-оборотней. У них в участке была странная пытка – засовывать в зад подозреваемому бутылку. В этом наверняка тоже есть какая-то сексуальная патология. Есть мнение, что в запикивании в задний проход бутылки или швабры имеется скрытый гомосексуализм. Иначе, зачем одному мужику пихать в задницу другому мужику посторонние предметы? Разве будет человек в здравом уме засовывать кому-нибудь в задницу бутылку? А для них это наверняка был целый повторяющийся ритуал, какая-то идея. Они наверняка что-то испытывали при этом. Они бы и сами, может, хотели бы свои концы пихнуть, но не решались на это и пихали вместо этого бутылки. Это же не тетки, они не для пихания. Да и теткам бутылки пихать с чего бы вдруг – тут явный психический надлом, нарушение потенции или что-нибудь еще... Ведь кишка – не влагалище, не детородный орган. Странно это...

– Ты, Фрейд херов, кончай пиздеть, а то меня сейчас стошнит! – простонал Ховрин. – И вряд ли он пидар, – засомневался он, – у него есть подруга. Кстати, довольно симпатичная. Кажется, Лена зовут. Вроде бы они вместе хотят свалить в Канаду. Я ее видел: такая черненькая с большой жопой. И еще голос у нее такой тоненький и противный, какими в мультфильмах разговаривают мелкие животные. Через короткое время он начинает раздражать ужасно. Хочется заткнуть уши.

– Ого! Все в струю: Канада теперь считается раем для содомитов. Если упрощенно: там хотят официально снизить возраст сексуального согласия и еще они выделяют шесть полов. Настоящий возрожденный Содом! Писец!

– Что за шесть полов? – удивился Ховрин.

– А я знаю?

– Заливаешь! Такого просто не может быть! – отропел Ховрин. – Вообще ебнулись!

– Ну, что: когда валишь в свою Америку? – спросил Ховрин у Дергачева.

– Хер знает: визу, гады, не дают! – погрустнел Дергачев.

– И правильно делают! – хохотнул Ховрин. – Потому что нехуй!

На том и расстались.

На углу дома уже у магазина «Магнит» Ховрину встретился еще один знакомый по школе – Дима Ершов. Он был в темных очках, бледный до зелени и даже в этот холодный день обливался потом. Цель жизни его была теперь одна – любым способом добыть денег на дозу. Лицо его было желтое – следствие хронического гепатита, и сразу было видно, что парень не жилец – недолго ему осталось. Он уже разлагался. И сам об этом знал. Наверно у него был только один шанс выжить – это попасть в строгую тюрьму, где нет доступа к наркотикам и есть хорошая больница. Если, конечно, еще остались такие тюрьмы. Алик Воронков, который сидел под Питером, звонил оттуда чуть ли не каждый день просто поболтать. Мать ему сделала безлимитный тариф. Обстановка у них в ИТУ сложилась, видать, довольно неплохая, никто его не прессовал и не угнетал. Сидеть ему оставалось еще четыре года. Впрочем, он не был наркоманом, до отсидки активно занимался боксом и даже там, на зоне, ухитрялся ежедневно тренироваться.

Ершов исподлобья посмотрел на Ховрина, сунул ему вялую холодную и влажную руку – как лягушку:

– Привет. Ты как?

– Херово.

– И я. Бабла нет? Завтра отдам, – безнадежно спросил Ершов.

Ховрин помотал головой:

– Сам голодаю.

Оба какое-то время молчали.

– Ну, пока, – сказал Ершов, тут же потерявший к Ховрину всякий интерес.

– Пока.

Ховрин прошел через арку во двор. Там стояла компания. Оттуда вытащился какой-то резкий парень, ухватил Ховрина за рукав, прохрипел:

– Дай закурить!

– Не курю! – вырвался Ховрин.

– Ты чё – грубишь? – тут же вскипел тот, уставясь на Ховрина мутными глазами без всякого выражения. Ховрину на миг показалось, что это был настоящий биоробот.

Стало понятно: это заводка, и Ховрин ударил его в подбородок изо всех сил. Парень исчез из поля зрения. Звук от падения биоробота был картофельный, поскольку в нем не было никаких металлических частей.

Остальные в этой компании – такие же биороботы – были народ опытный и на рожон не полезли: чего хорошего валяться в грязи, а потом еще тащиться в травмпункт – чиниться.

Тут же и позабыв про них, Ховрин пошел домой спать.

Утром сходил в спортзал, а у школы Ховрин был ровно полчетвертого.

Наконец появилась Катя Гарцева. Кивнула. Подошла.

– Ты куда после школы? – поинтересовался у нее Ховрин по дороге.

– Пока хожу на курсы английского в Большой Универ, – ответила Катя без особого энтузиазма. – Нужно получить сертификат.

– И на кого будешь учиться?

– Хочу на филолога. Если, конечно, поступлю, – туманно ответила Катя, делая большой шаг через лужу.

– Ты-то и не поступишь? Уж на платное место тебя всяко ведь возьмут. Тебя родичи туда пихают, или по своей воле идешь?

– Сама. А куда еще идти-то?

– Ну, там все девчонки хотят в артистки. Ты же – красивая. Хотя если и переводчиком: тоже хорошая женская работа, и платят, наверно, неплохо.

Катя чуть покраснела от удовольствия.

– А у тебя какие планы?

– У меня-то планы очень простые: армия.

– И когда забирают?

– В мае. Праздники еще, надеюсь, дадут отгулять!

– А что после армии собираешься делать?

– Еще не думал: буду работать, заниматься спортом и учиться. Может быть, пойду работать в МЧС.

– МЧС – это круто! У меня школьная подруга поступает в университет МЧС на самый блатной факультет – на пожарку, закончит – деньги будет грести лопатой с предприятий, ресторанов – у всех ведь непременно есть нарушения. Но туда без блата никак не попадешь. У нее отец пожарный начальник. Еще неплохое место, говорят, Академия государственной службы, но туда просто так не поступишь. Тоже клевая работа: брать взятки и нифига не дала! – трещала Катя. – Один парень из нашего из класса туда идет – у него отец работает в Смольном. И еще есть у нас в классе такая сладкая парочка: Инна Еремочкина и Спартак Зайчиков. Они оба идут в «Кулек».

– В «Кулек»? – удивился Ховрин. – Там же, говорят, учатся одни пидарасы! Других туда и не берут.

– Ну, про это я не знаю, – пожала плечами Катя. – Думаю, что это не так.

– Говорят, а у нас один парень из класса в прошлом году поступил в Лесопилку. Говорит, туда можно вообще не ходить: только платишь бабосы, занимаешься своими делами и получаешь диплом...

– Не слышала про такое. А какой у нее мировой рейтинг? – поинтересовалась Катя.
– Хрен его знает! Наверно никакой. Хотя рейтинги, наверное, тоже все за бабки делают.
Верить теперь ничему нельзя...
– Ну, я так не думаю...
Так, болтая, дошли до самого дома и потом до дверей квартиры.
Валерий Константинович, рассчитавшись с Ховриным, запер входную дверь.
– И как тебе этот парнишка, Катя? – спросил он у девушки.
– Нормальный, – буркнула та.
– А я считаю, что вполне даже хороший.
– Туповатый он какой-то: сила есть – ума не надо. Представляешь, в армию идет! Косить не хочет. Это нормально? Потом будет работать в МЧС.
– И чего он еще тебе рассказал? – спросил Валерий Константинович.
Катя ничего не ответила, будто и не слышала вопроса, ушла к себе.
Недели две все шло без проблем, четко по графику. Лишь однажды подошел какой-то парень. Уперся в Ховрина:
– Я хочу поговорить с Катей! – Он был бледен и напряжен.
Ховрин вопросительно взглянул на Катю:
– Будешь с ним говорить?
Ответ Кати его удивил:
– Нам не о чем разговаривать!
Ховрин повернулся к парню, развел руками:
– Не хочет она с тобой разговаривать. Так что, братан, извини...
С интересом подождал ответной реакции. К его разочарованию, никакой реакции не последовало. Парень просто повернулся и ушел, ссутулившись и чуть загребая ногами.
Некоторое время шли молча. Вопрос висел в воздухе. Потом Катя сказала:
– Да ну его!
Ховрин хотел, было, спросить, кто это, но не стал. Все равно бы толком не ответила, и какое вообще его, Ховрина, дело. Пробормотал:
– Все. Без вопросов.
И все-таки чуть позже спросил:
– А это кто был?
– Это? Мой бывший парень, – просто ответила Катя.
– Ты с ним спала?
– Так спрашивать неприлично, – огрызнулась Катя, слегка покраснев.
– Почему? Когда спишь – это считается близкие отношения, появляется зависимость. А когда нет – то как бы и отношений никаких нет. Это самое дело на отношения влияет чрезвычайно. Если ты хоть раз с ним переспала, то он от тебя может потребовать продолжения.
Катя надула губы, думая, что ответить, потом буркнула:
– Это не твое дело!
– Ага, понятно. Значит, не спали, просто щупались. Тогда ты ему ничего не должна, – сделал заключение Ховрин.
– Чушь несешь! Все, хватит! – Катя покраснела еще больше.
– Ты девственница?
– Почему бы и нет! Мне это вовсе не стыдно. Это плохо?
– Наверно, хорошо – сразу не подхватишь. И вообще. Я знаю одну, она ходила с парнем. Однажды ей захотелось с ним переспать, но она сказала ему: ладно, но давай тогда быстро поженимся. На следующий день они поженились – как-то договорились в ЗАГСе – и только тогда переспали. Цель замужества была как раз в этом, чтобы легально потерять девственность. Не особо-то она его любила. Но так и живут вместе. Пока. Уже полгода.

– Ты откуда это знаешь?

– Подслушал бабские разговоры.

– Бред.

– Это из серии неприятные вопросы. Психиатры очень любят их задавать, типа: «Любишь ли ты свою маму?», «Мастурбируешь ли ты?», – все, понятное дело, дрочат, но ответить стесняются. А он и смотрит по реакции.

– Ты какой-то сексуальный маньяк, – прошипела Катя.

– В этом, говорят, и есть смысл психотерапии, психоанализа. Выяснить детскую травму. Ты чего больше всего боялась в детстве?

Катя на минуту задумалась, потом сказала:

– Я боялась, что родители не придут, не заберут меня из детского сада, или что они умрут.

А ты?

– Тоже чего-то боялся, чего – уже не помню. Мы тогда жили в Шушарах, у нас в доме не было горячей воды. Я до какого-то возраста ходил с мамой в женскую баню. Здорово бы сейчас сходить. А потом с отцом уже. Помню, всегда поскальзывался на одном и том же месте в бане и до ужаса боялся этого места. А потом там сделали ремонт. Только вряд ли это детская травма. Детская травма это сексуальное насилие, или когда случайно увидел секс родителей и ужаснулся.

– Бред несешь!

А про того парня потом все-таки рассказала:

– Это был Денис Сергеев. Он уже студент. На первом курсе. Учился в нашей школе. Считается, что у него отец какой-то крутой – типа торгует шинами. Имеет в Питере три магазина. И сам он типа крутой мажор. Почти олигарх. Считался.

– Нравился?

– Да пошел он!

Сергеев-младший, впрочем, не угомонился, а позвонил знакомым «чотким пацанам»:

– Привет, Боб! Можете отмудохать одного? Плачу десятку.

– Покажи его, посмотрим...

Пару дней спустя они замаскировались под местных хулиганов и подловили Ховрина в известном переходе между домами после того, как он довел Катю домой:

– Эй, чувак, хули ты тут по нашим телкам ходишь? – Ничего нового они не изобрели.

Их было четверо. Похахатывали, разминались, готовились к потехе. Ховрин повернулся к ним и оскалится такой мертвой улыбкой, что смех их тут же и испарился. Все четверо застыли, а Боб буквально отпрыгнул на метр – как если бы, подняв крышку чемодана, обнаружил бы там внутри ядовитую змею.

Лица бойцов вытянулись. Впрочем, Боб тут же нашелся, принял единственно правильное решение:

– Извини, брателла. Обознались. Все. Без обид. Уходим.

Ховрин даже испытал при этом некоторое разочарование.

Боб потом сказал своим:

– Чуть-чуть мы с ним не обосрались, парни. Я этого чувака знаю. Просто офигенный боец! Очень крутой! Лично видел, как он отхуярил одного реального пацана в пять секунд. Даже меньше. В три. Это – ходячая кувалда!

– Да ну? – засомневался кто-то из молодых.

– Иди, попробуй. Догони! Это он только с виду такой типа зеленый пацан.

Отзвонился с мобильного Сергееву-младшему:

– Извини, Денис, с этим не получилось. За ним стоят очень серьезные люди. Как-нибудь сам с ним договаривайся. Будь только поаккуратнее, чтобы не пришлось это дело старшим разруливать.

Тот выругался и отключил трубку. Боб только пожал плечами:

– Он нам не хозяин. Перебьемся и без его бабок. Если бы наш шеф узнал, он нас бы оштрафовал за такие дела и не кисло. Можно было наделать ему проблем. Вовремя откатили. Пошли пиво пить!

В другой раз около университета Ховрин увидел Катю, когда какой-то бородатый мужчина лет тридцати ей что-то втирал и чуть не трогал за плечи. Катя его внимательно слушала. Ховрину это не понравилось.

Он подошел вразвалочку, сказал басом:

– Ты бы, мужик, не очень-то к моей девчонке терся!

Мужчина оторопел и не нашелся, что и сказать. Потом кивнул и отошел.

– Это был наш преподаватель с курсов! – чуть позже сказала Катя и тут же звонко расмеялась. – Интересно, что он обо мне подумал?

– Ладно, скажешь, что школьный приятель. К тому же очень влюбленный и ревнивый.

– Охо-хо-хо! Скажите, пожалуйста! – Катя слегка покраснела. Ей явно это было приятно.

По вторникам вечером с пяти до семи в Доме Творчества Юных обычно происходила репетиция девической группы «Дилижанс». Катя играла там на бас-гитаре, подпевала. Все девчонки там были довольно симпатичные. Исполнили несколько известных песен на английском языке в собственной обработке.

– Ну, и как? – спросила потом Катя, вся с горящими щеками. – Только правду.

– Хреново вы выступаете, – огорошил ее Ховрин. – Солистка вообще петь не умеет, воет. Играете вы неплохо, а поете – так себе, на три балла. Извини. Легко сравнить – поставь оригинал.

Катя, впрочем, не слишком обиделась:

– Я тоже как-то послушала нашу запись у себя дома и ужаснулась. Но это у нас как клуб: никого выгнать нельзя. Это она, Снежана, создала группу. Ее отец дал деньги на аппаратуру. Мы собираемся, репетируем, обсуждаем проблемы. Жалко, что это скоро кончится. Школа, все это. Может, будем встречаться. А группа точно развалится.

Ховрин понимающе кинул:

– После окончания школы все разбегаются, кто куда. Я вообще мало кого из своего класса видел за этот год. Все где-то учатся, появились другие компании. Два-три человека разве что встречаются регулярно. Я вот постоянно только с Юриком Васильевым встречаюсь. Он теперь в Купчино живет. Метро «Международная», десять минут пешком.

Возвращались из Дома Творчества как обычно через узкий проход между домами.

Там стояла компания – четверо. Один энергично с чавканьем жевал резинку. Крикнул Ховрину:

– Эй, чувак, базар есть!

Ховрин сказал Кате:

– Иди, я с ними поговорю! Иди-иди, сказал! Я догоню.

Парень, жующий жвачку, вразвалку приблизился к Ховрину, дыхнул в лицо мятой:

– Ты кто такой?

– А тебе чего надо?

– Чего с ней ходишь?

– А тебе-то что?

– Чего ты, блядь, выступаешь? Ты кто такой?

Все другие стали придвигаться.

– Я на хозяина работаю.

– Что еще за хозяин?

– Печерский Виктор Станиславович.

Тут-то они и остановились. Шепоток послышался, кто-то сказал: «Печора». Смутились.

– Сам Витя Печора, что ли? – проблеял один сзади. В любой компании есть всезнайка.

Кто же такой был этот Виктор Станиславович Печерский? Ховрин только и знал, что он входил в совет попечителей того самого турнира по карате. После того злосчастливого боя охранник позвал Ховрина к столику Печерского, тот пожал ему руку, дал визитку: «Молодец! Если что – звони!». Визитка была очень солидная, многоцветная, с золотом: такой-то такой-то, генеральный директор такого-то холдинга. В тот момент Ховрин к нему как-то не присматривался, взял карточку, сунул в карман да и забыл о ней. А ведь как пригодилась-то!

– Кому Витя Печора, а кому – Виктор Станиславович! Хотите перетереть базар – могу позвонить бригадиру, но тогда, пацаны, назад уже дороги не будет. Они просто так на разборку не приезжают – ребята борзые – мало вам не покажется, не отпустят. Придется оплатить расходы. Если есть что-то личное против меня, давай прямо сейчас с любым из вас – один на один!

Сказал он это без особого вызова, но никто и не вызвался.

– Тебя с ней поставили ходить? Зачем? – спросили жвачечник уже спокойно, без напряжения.

– Мне сказали ходить – и я хожу, и не спрашиваю, зачем. От всякой гопоты и бомжей приказано девчонку прикрыть. Сказано: если кто будет серьезно наезжать, я должен вызвать дежурную бригаду. И это все. Есть вопросы?

Все, что он сказал, была истинная правда, и парни явно заколебались. Им было боязно, поскольку за этим спокойным и уверенным в себе охранником явно стояла серьезная организация, опытная в разного рода разборках. Объявить, что и у них есть еще кто-то над ними и состыковать группировки могло закончиться плохо. Из-за какой-то девчонки, которая нравится одному из пацанов, могут пострадать все. Обычно в таких ситуациях старшие договариваются, но всегда кто-то должен заплатить за беспокойство. Но тут даже не бизнес, а личные дела, и старшие могут разгневаться – они не занимаются пустяками. Компания отстала. Кажется, на том и кончилось, и Ховрин с облегчением выдохнул.

Всю дорогу до дома Ховрин с Катей трепались без умолку. Разговор был ни о чем, как это и бывает у влюбленных и близких друзей. Последний квартал шли рядом, как бы случайно иногда касаясь друг друга. Молча, каждый про себя переживая эти новые ощущения. Слова были не нужны, подходя к дому, оба, не сговариваясь, стали тормозить, идти медленнее: хотелось продлить прогулку. Ховрин потом шел и думал: как доживу до завтра. Утром позвонил Валерий Константинович, сказал, что сегодня можно не приходить: он сам встретит Катю. Ховрин весь вечер провел в тоске, от нечего делать сходил в зал на три часа, провел несколько спаррингов, поколотил по мешку. Это его отвлекло.

На следующий день он ожидал ее с трепетом, типа влюбился. А потом увидел ее и вроде как ничего особенного не испытал.

Катя рассказывала разные школьные новости, совершенно чепуховые, но смешные происшествия на уроках.

А еще оказалось, что одна Катина одноклассница все-таки входила в уже вроде как угасающее движение эмо. Все там одевались в одном стиле – во что-то розовое. Зачем ее туда поволокло – неизвестно.

– Я не понял, в чем суть дела? Чего они хотят? – интересовался Ховрин.

– Эмо считают, что у них аллергия на счастье. Цитирую по памяти: «Мечта каждого Эмо – умереть в ванне от потери крови путем перерезания собственных вен в области запястий. В этой связи некоторые из них носят повязки, которые закрывают нанесенные раны». Короче, чистые дебилы! И Машка тоже туда скатилась.

– Обалдеть! – ужаснулся Ховрин. – Чего это она вдруг? Ее кто-то обидел? Травмировали в детстве?

– Это просто тусовка. Друзья ее туда затащили. Парень, который ей нравится. Есть еще более дебилские группы в Интернете типа прыгнуть с крыши, проехать на сцепке электрички и все такое. Там уже истинные кретины...

В четверг после занятий Катя вышла на крыльцо вместе со своей школьной подругой Эльвирой. Ховрин, сделавший, было, шаг навстречу, затормозил.

– Это кто? – Эльвира заметила, глазами показала на Ховрина.

Катя пожала плечами:

– Так. Привязался один парень из нашего дома, ходит за мной, пусть ходит, мне веселее, рук особо не распускает, со слюнями не лезет. А чего?

– Да ничего – странно как-то... – протянула Эльвира. На этом и заткнулась. Пожевала губами, хотела что-то еще спросить, но так и не спросила.

В следующую среду Ховрин сопровождал Катю в бассейн. Ему стало скучно ждать в холле, и он тоже решил искупаться. Купил в киоске плавки, заплатил за разовое посещение, договорившись с теткой на контроле на подешевле, разделся, вышел к чаше. Стал высматривать в бассейне Катю. Та бултыхалась на первой дорожке. Другая подружка ее, Любочка, с которой плавала Катя, вдруг замерла: "Гляди, гляди, вот это да!" Катя посмотрела тоже: там, на краю, стоял мощный мускулистый парень. Чем-то ей знакомый. Потом она поняла, чем: это и был Витя Ховрин, ее личный телохранитель, во всей своей красе. Увидев ее удивленный взгляд, он помахал ей, и Катя рефлекторно помахала ему в ответ. Любочка от удивления открыла рот, хлебнула воды, закашлялась:

– Так ты его зна-а-аешь?

– Ну, знаю. И что?

– Сейчас же познакомь!

– Тебе он не понравится, он тупой, как валенок! – Знакомить с ним Любочку Кате вовсе не хотелось.

– Плевать! Смотри, какая мускулатура! А под плавками! М-м-м... Ах, как бы я его трахнула! – В ее семнадцать лет у нее были уже повадки будущей светской львицы и покорительницы мужских сердец, живущей сексом, и даже был некоторый, пусть еще и очень скромный, сексуальный опыт.

Катя и сама на него украдкой посматривала. Впечатляло – неплохо был сложен Витя Ховрин.

Полотенца с собой не было, вытирался Ховрин бумажными салфетками из туалета.

После тех двух происшествий он стал чаще осматриваться. Увидел, когда шли от метро к дому, какую-то группу парней человек в пять, которая некоторое время тащилась позади. Поначалу подумал, что это еще какой-нибудь очередной Катин поклонник с компанией.

Катя, румяная после душа, по дороге домой приставала с вопросами к Ховрину:

– Слушай, а правда, что можно голым кулаком разбивать кирпичи? И что можно летать, как в кино показывают?

– Разбивать кирпичи и доски не сложно – любой дурак сможет! А вот про полеты я чего-то не слышал и никогда не видел, может, разве что, в тибетских монастырях монахи вживую и летают, а в кино актеров на тросах таскают, а потом на компьютере эти тросы стирают. А вот сальто с места сделать легко.

И он тут же его и сделал. Обернулся. Шедшие за ними парни тут же куда-то и слиняли. Хотя, может, и случайно шли за ними.

– Ух, ты! – восхитилась Катя. – А сложно научиться?

– Нет. И драться несложно. Вас, девчонок, хватают и тащат, а вы как овцы. Хочешь, покажу пару очень эффективных приемов самообороны? Больше тебе и не понадобится. У человека куча болевых точек. Зная их, ты можешь свалить любого. Никто не выдержит, даже если это какой-нибудь качок.

– Ну, давай.

– Вставай сюда, например, я тебя хватаю так... – Он немного прижал ее к себе. Катя, коснувшись его грудью, замерла на миг, и Ховрин тоже. Чуть отстранился. Потом вдохнул и выдохнул, пришел в себя, начал показывать:

– Если тебя хватают таким образом, то делай вот так – ни один мужик этого не выдержит. У тебя будет минимум двадцать секунд, чтобы убежать. В таких ситуациях это очень много. Давай, попробуй!.. Ой-ой-ой, больно!.. Слушай, а у тебя получается!

От удовольствия Катя даже подпрыгнула на месте.

В это момент из кармана Катиной спортивной сумки выпал пропуск в бассейн, Ховрин поднял его и увидел на пропуске ее фамилию – Гарцева, спросил:

– А чего это у вас с отцом разные фамилии? – он вспомнил фамилию на визитке Валерия Константиновича – Серебряков.

– А он мне не родной отец, а отчим! – сказала Катя после некоторой паузы. – А что?

– Да ничего. Не приставал?

– Да ты что! – постучала она указательным пальцем ему по лбу. – Он с нами с моих трех лет живет. Я его «папой» называю, а своего родного отца до прошлого года и не знала вовсе.

Какую-то болезненную струнку он, однако, задел. Было однажды такое. Как-то Валерий Константинович пришел, слегка выпивши, с какого-то банкета, и был секундный эпизод, когда как бы в шутку он Катю приобнял, коснулся груди. Она была только что из душа – в одном халатике на голое тело. Была бы своя дочь – это, может быть, было бы естественно, поскольку близости между ними быть не могло, но тут буквально на пару секунд возникло некоторое напряжение. Впрочем, это был единственный эпизод.

– Ладно. А то есть всякие истории, что отчимы своих падчериц трогают и все такое. В Америке один известный актер, не помню фамилии, даже женился на падчерице. А как ты его называешь? Настоящего отца? Тоже «папа»?

– А ты не думаешь, что мне неприятно об этом говорить? – вдруг вспыхнула Катя. – Есть вещи, о которых люди не любят говорить!

– Ладно. А чего тут такого? Просто спросил. Отчимы часто не злые, но могут приставать, это всем известно. А вот мачехи, это кому как повезет, но обычно злые. Это еще по сказкам известно, а народные сказки отражают историческую правду. У одного знакомого мачеха, так она все вкусненькое оставляет своим детям, а ему зажимает, прячет от него. А он специально выискивает и съедает. Знакомая девчонка есть, у нее была настоящая злая мачеха, постоянно давала ей какие-то таблетки, хотела отравить. Отцу она сказать об этом не могла, да тот и не послушал бы, посчитал бы, что придумывает, ревнует. Как говорится, ночная кукушка дневную всегда перекукует. При муже она была с падчерицей нарочито вежливой – ти-ти-ти-ти, но как только он уходил из дома, отношение резко менялось. Говорила с ней грубо, в приказном тоне. А у другой девчонки отчим просверлил дырку в ванной...

– Слушай, давай прекратим эту тему! – Катя зажала уши. – Я не хочу это слушать! Это мерзко!

– Как скажешь. Он хороший?

– Они с мамой любят друг друга. Я всегда предупреждаю, когда домой прихожу не вовремя.

– Зачем это?

– А затем, что однажды пришла из школы раньше времени, а они этим делом занимаются.

– Каким?

– Ну, этим самым. Любовью. И я с тех пор всегда предупреждаю о приходе, чтобы не было неудобно.

– А сколько им лет? – удивился Ховрин, который считал, что старикам и пожилым людям – то есть кому старше сорока – сексом заниматься уже незачем.

– Маме – тридцать восемь. Папе – сорок два. А твои родители?

– Мы сейчас вдвоем с мамой живем. Сестра замужем и живет отдельно.

– А отец твой где?

– Отец сейчас живет с другой семьей – на «Пионерской». Не знаю, кто там чего, но мама у меня женщина с характером, потому я отца не сужу. И еще у меня есть сводный брат Сашка. Ему уже три года. Прикольный такой пацан! У сестры тоже недавно родился мальчик, три месяца, мама там у нее целыми днями сидит, часто ночует. Но сестра тут проговорила, что наша мама хочет снова выйти замуж.

– И правильно делает, – закивала Катя. – Надо, чтобы в старости кто-то был рядом.

– Чего правильно-то? Наверняка опять какой-нибудь козел. Мама всегда находит каких-то придурков: то плешивый, то пьет, то постоянно курит: срать не сядет без сигареты – потом в сортир не войти. Ни одного нормального лица у тех, с кем она встречалась, ни разу не видел – одни хари! – разгорячился Ховрин.

У матери вскоре после развода появился некий дядя Андрей. Мужчина он был неплохой, но чужой, и еще в нем были некоторые черты поведения, которые Ховрина ужасно раздражали. Сложилась неприязненная остановка с постоянными подколами с обеих сторон. Ховрин все говорил против дяди Андрея, да и дядя Андрей всегда Ховрину противоречил, и они никак не могли ни в чем совпасть. Оба предпочитали лучше не встречаться. Даже ели в разное время. Мать это в какой-то степени напрягало, но не то, чтобы очень, поскольку Виктор был уже взрослый парень и в няньках не нуждался. Часто ездил на соревнования и спортивные сборы.

– Дети всегда ревнуют, – сказала Катя. – Это нормально.

– Да я хочу ей только хорошего, а то какого-то хрена обстирывать и кормить. Вот на фиго он ей нужен? Детей они вряд ли заведут – старые уже. Знаю, знаю – это все тот самый пресловутый стакан воды. Всем перед смертью очень хочется пить.

– Все с тобой понятно: мама хочет устроить свою личную жизнь, а тут ты припрешься со своими девками. Еще и женишься, детей заведете. Ей-то куда деваться? Ты против?

– Я? Нет, конечно. По крайней мере, не будет мне на мозги капать. Если они к нам не переедут, конечно, с тем типом.

– Они тебе еще и братика или сестричку родят! – хихикнула Катя.

– Да ты чего – в таком возрасте? Она же уже бабушка! – оторопел Ховрин.

– Всякое бывает. Считается: только ребенок привязывает мужика. Иначе никак. И за сорок рожают.

– Это уж как получится. Иногда – наоборот: женщине делают ребенка, чтобы не свалила. Тут я согласен. Это наиболее прочная связь. Опять же всегда при деле, привязана к дому, на сторону некогда смотреть.

– Ты не понимаешь. Женщине важно о ком-то заботиться, – сказала Катя.

– У тебя самой-то сейчас парень есть?

– Сейчас нет. Про Сергеева-младшего ты знаешь. Еще был один ухажер. Мы познакомились с ним на море в Греции прошлым летом.

– Зажгли?

Катя не ответила.

– Тебе вообще-то когда будет восемнадцать? – спросил Ховрин.

– В июне. Двадцать шестого.

– Значит, тогда тебе было еще только семнадцать? Заставил?

– Если честно, я и сама хотела попробовать. Почти все девчонки у нас в классе уже это дело пробовали, или врут, что пробовали. Напилась, конечно, перед этим. От страха. Он, кстати, жениться предлагал и сейчас предлагает. «В контакте» мы с ним иногда переписываемся. Он в Москве живет. Пишет, давай сразу, как только тебе исполнится восемнадцать, поженемся. Говорит, что уже и кольца заказал.

– Врет, наверное. И что?

- Он – старый. Ему лет – как моему папе.
- Которому?
- Она хотела ответить резко, но сдержалась:
- Валерию Константиновичу.
- Его запросто можно было посадить за соращение несовершеннолетних.
- Глупости – он нормальный. Да я сама к нему в постель тогда залезла. Он меня выпихивал, а я упиралась.
- Понравилось?
- Я и не помню – пьяная была. Хотя ничего и не было. Так... Тогда мы еще с ним и «дунули» перед этим.
- Что? – не понял Ховрин.
- Ну, «башку».
- А-а... Еще и наркоты тебе дал? Вот, блин, гад! А где твой родной отец? Ты его вообще вживую когда-нибудь видела?
- Все его видели. Говорят, он по телеку раньше довольно часто мелькал. Слышал фамилию Гарцев?
- Неа, – помотал головой Ховрин. – И где он сейчас?
- В Лондоне.
- И что он там делает?
- Катя пожала плечами:
- Живет. Работает. У него тут, в России, возникли какие-то проблемы с бизнесом. Слышал про такое: рейдерские захваты – когда отнимают готовые предприятия? И с ним так пытались.
- С чего это? Это обычно у мелких предпринимателей отнимают.
- У больших тоже. В большом бизнесе свои группировки, они вечно грызутся, отнимают друг у друга. Говорю тебе: рейдерские захваты. Там все серьезно: суд, полиция, налоговая – все покупается, все имеют с этого долю, действуют заодно. Мама говорит, нечего было ему лезть в политику. В Россию теперь ему въезд закрыт. Против него завели какое-то дело, но он мне про это ничего не рассказывал.
- А где ты его видела?
- Он взял меня на эти зимние каникулы с собой на Бали. Получил у мамы разрешение на мой выезд. Оказалось, он и раньше хотел меня вывезти к себе, но мама не давала согласия, наверно, боялась, что оставит меня у себя.
- А сейчас не боится?
- Сейчас – нет.
- А где это Бали?
- В Индонезии.
- Ни фиги себе! – присвистнул Ховрин, широким шагом перемахивая через очередную лужу и подавая Кате руку.
- Короче, он купил мне билет бизнес-класса авиакомпании «Катар», – это даже круче, чем обычный бизнес-класс. Там в самолете сделано типа купе, пижаму дают, тапочки, обслуживание обалденное. Была пересадка в Дохе, несколько часов в VIP-зале, там фигенно кормили, птички поют, короче, полный релакс. Оттуда я прилетела в Сингапур, где мы и встретились. Новый год отмечали уже там, сняли столик в ресторане отеля с видом на Марина-Бей. Это залив такой. Там был офигеннейший салют! Там я в первый раз увидела его теперешнюю жену Анжелу. Дурацкое имя, не правда ли? Анжела Леонидовна ее зовут. Ей на вид лет тридцать. Очень ухоженная. Следит за собой. Еще там были их дети: девочка и мальчик – восьми и пяти лет. Мальчик, Артур, толстый, капризный, начал орать, его увели спать. Девочка, Наташа, нормальная, но тоже постоянно ныла – все ей было не так. Потом мы все вместе ездили на

остров Сентоза – там аквариум, музей бабочек и все такое. На Новый год отец подарил мне настоящий «Роллекс» за двадцать тысяч долларов.

– Ну-ка покажи часики! – придвинулся Ховрин.

– Я их так просто по бассейнам и тренировкам не ношу – потом как-нибудь покажу. Потом мы с ним прошлись по всем самым дорогим магазинам. Там есть такая торговая улица Очад-роад, или, по-нашему, Садовая. Там эти магазины идут сплошняком: Луи Витон, Дольче Габбана и прочие. Я набрала себе шмоток целый чемодан. Тысяч на десять долларов. Для этогого еще и большой чемодан купили. Папа, правда, посоветовал срезать все этикетки и выкинуть упаковки, чтобы таможня в России не докапывалась. Жалко было. Очень красивые были упаковки. Вот так.

– Откупается, – констатировал Ховрин. – И как вы общаетесь?

– Иногда по «Вайберу», но чаще он просто звонит на мобильник. Обычно в одиннадцать вечера.

– О чем говорите?

– Так, – пожалала плечами Катя. – Он спрашивает, как дела в школе, как погода – все такое. Долго мы не разговариваем – особо и не о чем: «Дела нормально? – Нормально. – Ну, пока. – Пока».

– Странно это – близкие люди, а говорить не о чем! – сказал Ховрин.

– О чем вообще можно с родителями говорить? Только об учебе. Не музыку же с ними обсуждать. Понятно, говорить не о чем. Ты с мамой много своих проблем обсуждаешь?

– Вообще не обсуждаю, – согласился Ховрин. – И что дальше?

– Короче, потом мы полетели на остров Бали и тоже в отель «Гранд Хайятт». Там отец с семьей жил на отдельной вилле с видом на море, а я в обычном номере, но очень большом и с окнами в сад. Номер был просто офигительный! Там рядом с отелем находится огромный торговый центр. Отец выдал мне вот такую пачку денег, – Катя показала пальцами толщину сантиметров в десять, – сказал: «Не экономь. Кончатся – дам еще!» Еще каталась там в океане на доске – серфе – и разодрала пятаку об кораллы – долго не заживало, еще мы ездили на вулкан, потом на слонах, потом еще на рафтинг – это когда спуск на плотах по речке.

– А как мачеха? Анжела-то? – перебил Ховрин. – Не пыталась тебя отравить?

– Ну, она улыбалась, конечно, такая дежурная голливудская улыбка, но как-то нерадостно. Мне так кажется, что я ей не понравилась.

– Это как кукушка: чужой ребенок – вон из гнезда! Кому нужна лишняя прямая наследница? К тому же ты – очень красивая! Настоящая модель!

Катя слегка покраснела от удовольствия.

– Она тоже ничего, себя держит в форме: каждый день у нее были спа-процедуры, мало жрет. Морда только словно накачана ботоксом – неэмоциональная. Ни одной морщинки. Хотя тридцатник, наверное, точно есть.

Ховрин же продолжил свою мысль:

– А в женщинах это всегда конкуренция. Сказка такая есть про Белоснежку: «Свет мой, зеркальце, скажи, кто на свете всех милее, всех румяней и белее?» Опять же самое главное: ты – возможный претендент на наследство, причем неоспоримый, прямой. А значит, конкурент для ее детей. А что твой папаша?

– Отец – нормально, только каждый вечер он там напивался, причем, здорово. Сядет в ресторане и попивает, причем только белое вино. Сначала берет одну бутылку, потом – вторую, потом третью. Анжела в какой-то момент начинает нервничать, отец – злиться, что ему не дают пить, они начинают ругаться. Под конец он оказывается в полное говно. Утром на завтрак он слегка опухший, но вменяемый, пьет стаканами свежий апельсиновый сок. Я впрочем, с ними только один раз и завтракала – они слишком поздно вставали.

– Алкаш точно твой папаня, – констатировал Ховрин. – Познакомилась там с кем-нибудь?

– С чего вдруг?

– А чего еще делать на юге?

– Там еще отдыхали русские – среди них нормальных нету, еще австралийцы – все придурки, – японцы, немцы еще были. Парень один из русских клеился: у него отец в Сибири нефть добывает – понятно, не сам лично. У парня еще и футболка была с надписью: «Нефть – наше все!» – большими черными буквами – но тоже оказался полный мудака! У него папаша – это вообще что-то – толстый-претолстый жирдяй – как он в самолетное кресло вообще влезает – не знаю, его там, наверное, вколачивают, хотя, впрочем, в бизнес-классе кресла широкие. Так он сядет в бассейн и там сидит целый день, как бегемот, попивает коктейли и прочие напитки, их ему туда постоянно таскают официанты, которые, как челноки, снуют туда-сюда. Кстати, официант однажды тоже подобрался толстый к нему носить – идет, переваливается – «Тумбада-тумбада». И еще отец мне тогда как-то сказал, когда мы были одни: «Катя, я хочу, чтобы ты знала: ты моя старшая дочь и самая любимая!» Я так и обалдела! Не знала, что и ответить.

– Круто! Я такое в каком-то кино видел. Он тебе наверняка и учебу в универе оплатит.

– Кстати, тут оказалось, что мы давно на его деньги жили и живем – на мои алименты. Отец все это время на меня постоянно деньги присылал. На это мы и машину, и дачу купили, и ремонт сделали, и в Грецию отдыхать ездили не один раз. Теперь отец хочет, чтобы я училась в Англии. Там он сможет это дело как-то контролировать, чтобы типа я не загуляла. Я могу жить у него, или он мне квартиру снимет, или в самом университете – в кампусе можно жить – там, говорят, очень хорошие общаги. Опять же веселее, общение, язык практикуется, ездить далеко не надо. Я-то с Анжелой жить не хочу – каждый день видеть ее недовольную рожу – пытка, еще действительно отравит. Есть еще одна тема: школа бизнеса при Чикагском университете. Обучение там стоит около ста тысяч долларов в год. Зато по рейтингу эта школа входит в первую десятку в мире. Гарантированная высокооплачиваемая работа. Там преподают девять нобелевских лауреатов! У них есть кампусы в Лондоне, Гонконге и Сингапуре. Отец сказал, что нет проблем, хочешь, можешь ехать в Чикаго. Он там часто бывает по делам. Мама в обоих случаях колеблется. Папа, то есть отчим, уговаривает ее, чтобы отпустила.

– Это понятно, – закивал Ховрин, между прочим, подумав: «А сам, небось, наверняка прокрутил дырочку в ванной, наблюдает, когда она моется, и дронит на это... Так, небось, задрочил, что больше уже не может».

– Чего тебе понятно?

– А то, что тебе скоро будет восемнадцать, и халявные денежки для них тут же и закончатся, а так ты уедешь, место в квартире освободишь, не будешь туда своих парней водить зажигать.

– У тебя одно на уме: если парень с девушкой встречаются, непременно должны зажигать. Ты сам настоящий маньяк! – возмутилась Катя.

– А чего еще делать-то? Книжки читать, что ли? – удивился Ховрин.

– Это – пошло!

– Это – жизнь! Помнится, однажды у мамы появился сожитель – некий Геннадий. Так мы с сестрой его отчего-то сразу возненавидели. Противный он был какой-то. Тьфу! Квартира у нас маленькая: куда ни пойдешь – он там сидит. Захочешь поссать – а он уже там срет полчаса, еще и навоняет так, что всем дурно, плохо смоешь, говно не соскребешь, накурит. Или в ванной в раковине волосы всегда после бритья оставляет. Кто за ним убирать должен? Сестра стала его доставать по-женски: то в одной ночнушке попретса мимо, то завизжит на всю квартиру: «Мама, я переодеваюсь, а он лезет!» Сколько-то, не помню – с месяца три, наверное, он прожил у нас да и свалил куда-то. Мама, помню, расстраивалась. А чего расстраиваться из-за говна-то? Потом еще с кем-то встречалась, но ничего не получилось – понятно, кому нужна

женщина с двумя детьми? Еще встречаться иногда – ладно, а жить вместе в одной квартире? Я бы точно не смог. Хочешь после работы поспать, футбол посмотреть, пивка выпить, а тут чужой ребенок начинает нудеть. А ведь ему и пинка не дашь! Своему-то можно, а чужому – нельзя. Мамаша сразу полезет в дерьмо. Опять же на плач и нытье своих детей у родителей происходит адаптация – они его просто не замечают, чужие же дети – всегда раздражают.

Некоторое время шли молча. Потом Катя вдруг спросила:

– Как я буду говорить, если в школе спросят кто ты? Ты ко мне клеишься? Ухажер? Родственник? Охранник? Кто? Я-то вообще считаю, что мне охрана не нужна, это папа настоял.

– Будет лучше, если буду ходить под видом твоего бойфренда, может быть, надоевшего, приставучего – так проще. Скажешь, что ты сама попросила с тобой походить из-за всяких случаев. По городу сейчас шляются «молоточники», лупят всех по головам, а девчонок молодых и симпатичных – по лицу. Нападают исключительно на одиночек. Тебе это надо? На фиг тебе рисковать? Закончишь школу, отгуляешь выпускной – и к родному папаше в Англию или в Америку. В колледж поступишь или универ, там в общагах, говорят, весело. В кино видела? Фильм «Крик». Не как у нас. Парень из моего класса учится в бывшей Макаровке – вот там общага так общага – полный абзац! Хотя и там и здесь все зажигают – только дым идет! Или у тебя тут все-таки есть какая-то тайная любовь до гроба? – Он презрительно сплюнул: – Неужели какой-нибудь нищеброд?

– Отвянь! – оборвала его Катя. – Кстати, а ты сам за границей когда-нибудь был?

– Не был. Да у меня и папы такого нет... Ой!

– Ты чего? – испугалась Катя, спрятавшись за Ховрина.

– Вон там, в нише, всегда кто-то стоит, когда мы тут идем.

– Может, случайно? – Катя расширила глаза.

– А вдруг нет? Это может быть и твой тайный обожатель. У тебя трусики-лифчики в последнее время не пропадали?

– Тьфу!

– Читал, что один маньяк так охотился за девчонкой – обмазывал своей спермой ручки дверей, чтобы она коснулась и понюхала руку. Тут-то он и ловил кайф.

– Мерзость какая! – Катя даже отдернула руку, отерла ладонь о куртку, втянула ее в рукав.

– Понятное дело! Не побережешься... – сказал Ховрин.

Помолчали. Потом начала Катя:

– Хочешь, и я расскажу про гадости? Наташка Сизова из нашего класса всю трахается со своим отчимом. Она однажды проговорила. Они – отчим с ее матерью – всегда очень шумно этим делом занимаются. Скрипят и стонут. Ее это доставало, одно время даже спала в наушниках. Однажды как-то подслушала, загорелась, вышла потом в одном халатике на голое тело, и получилось это дело у них с отчимом прямо на столе на кухне. Она и меня подговаривала: «Попробуй, мол, и ты со своим! Со взрослым мужчиной это делать здорово, он никогда не спешит, хочет, чтобы тебе было приятно». Мать у нее медсестра, дежурит сутки через двое и они без нее всю трахаются. Пьет противозачаточные таблетки, понятно. Говорит, она его не любит, занимается этим делом просто ради процесса, для удовольствия и здоровья. У нее все прыщи прошли. У всех после таких дел типа должна быть психическая травма на всю жизнь, а ей пофиг. Всяко лучше, чем мастурбировать. Он ей и телефон хороший купил, и туфли. Мама этому рада, типа заботится о чужом ребенке. Даже не догадывается ни о чем.

– Скоро узнает. Все женщины – сороки болтливые. Что ее за язык потянуло тебе рассказывать? А ты мне растрепала! – сказал Ховрин.

– Ну, как же! – всполошилась Катя. – Ты же ведь никому не расскажешь?

– Я-то не расскажу, – поморщился Ховрин. – Сама не расскажи еще кому-нибудь. Если ее мать об этом узнает, отчиму может не поздоровиться. Кастрирует блядуна кухонным ножом нахер.

– Не узнает, а узнает – не заявит. Она ведь его любит. Он ее на пять лет моложе. Ему всего тридцать. Еще не старый. И Наташку он не насиловал, она сама хотела. Ей же больше шестнадцати. Возраст согласия.

– Думаешь, будут жить втроем в одной постели? Это понятно, что никто ее не насиловал. Но отчиму-то прямая дорожка в ад!

Катя не согласилась:

– Почему в ад? Он ей не родственник, а чужой мужчина. Тут только одна проблема, что ей восемнадцати нет. Но у нее и до этого парни были.

– А-а-а, тогда понятно, а я тут перед тобой распинаюсь про этого сексуального гангстера. Вы, оказывается, какие-то уже прожженные опытные бабы! – развел руками Ховрин.

– А хочешь страшную правду? Мне стыдно это говорить, но я действительно ни с кем еще не спала. Предлагали, конечно, но я отказалась. Зимой на Новый Год... – Катя остановилась, подумала. – Нет, к черту, не буду рассказывать! Это гадко! Б-р-р...

– Ладно, не рассказывай. У нас вообще девчонка из школы в шестнадцать лет родила. Причем сама не знает, от кого. Поиграли на Новый год в бутылочку. Перепила. Несколько ребят отметились. Все несовершеннолетние – что с кого возьмешь!

– Надо сделать генетическую экспертизу, – Катя неопределенно махнула рукой.

– А кто за нее будет платить? На это нужно судебное решение и все такое, много воня. Давай, рассказывай про Новый год, если уж начала. Ведь все равно не удержишься.

– Ладно. Короче, у одной девочки из нашего класса родители на прошлый Новый год уехали с друзьями в Финку ...

– Понятно: за тем же, за самым и уехали. Чтобы там вволю потрахаться, и чтобы никто не мешал типа вас, чокнутых подростков.

– У тебя все только и хотят, что потрахаться, – всплеснула руками Катя.

– А так оно и есть! Чё еще делать-то? И чего там было-то на Новый год?

– Короче, квартира была свободна, решили встретить там Новый год. Понятно, закупили бухла немерено, как на собрание алкоголиков.

– Знаю: всегда кажется мало, а потом все обязательно переблещутся.

– Короче, собрались: трое мальчишек и четыре девчонки...

– Надо уж было трое на трое, или четыре на четыре, – возмутился Ховрин.

Тут Катя развела руками:

– Не получилось: один мальчик не пришел, заболел. Честно, скажу – все, конечно, соби-
рались, как ты говоришь, перепихнуться. Ну, не явно, но подразумевалось. Одна пара уже была
заранее известна, они почти сразу, как отметили, пошли в спальню. Еще одна девочка туда
к ним ушла. Как-то они там втроем. Мы остались двое на двое. Получилось, что один Лизку
лапает, уже залез ей в трусы, другой мне достался, тоже полез со слюнявыми поцелуями в губы
– но я ничего не чувствую, как-то не возбуждает – потом лезет щупать грудь, ладно, потом
полез под платье. Затем пытается платье стянуть вниз, а оно снимается через голову. Явное
отсутствие опыта. Смешно стало. Соседняя парочка уже, смотрю, уже разоблачилась, и начался
процесс с охами и ахами. Мне, однако, стало как-то не по себе. Налила стопку водки, выпила
и все – тут же и выключилась. Потом смотрю, платье на мне уже нет.

– Блин, тебе надо порнографические рассказы писать. Короче, колись: трахнули тебя или нет? – заерзал Ховрин. Губы у него пересохли.

– Я вроде и согласна была, но у него не получилось. Потыкался, потыкался, но тут же
и кончил на диван, да и сами мы, пьяные, уснули в этой его гадкой вонючей луже. Пальцы,
помню, были липкие – вляпалась в его сперму. – Катю передернуло от отвращения. – Вот такой
был мой первый сексуальный опыт. Осталась целая и невредимая. Потом он ко мне ни разу не
подошел. Даже в глаза не смотрел.

– Облажался. Не повезло. Бывает. У нас что-то подобное, то есть новогодний тусняк, было в последнем классе. А что еще делать? Видимо, у всех так – одно и то же. Шаблон. Только у нас еще все передрались из-за девчонок. Двое захотели шпокнуть одну. Был такой бой! Кровь брызгала на стены, расколотили стеклянную дверь в прихожую. Блевали, высунувшись в окно. Чудом никто не выпал. Классно посидели. Хорошая тогда была встреча Нового года. Есть что вспомнить!

Впрочем, вспомнился ему и свой первый раз. Была такая девочка Таня, к ней его неудержимо тянуло. И что-то постоянно мешало, но однажды оказались с ней в квартире одни. Что-то говорили, говорили, включили музыку и вдруг замолчали. Соприкоснулись руками. Потом вдруг оказались без верхней одежды. У нее – только лифчик и трусики, причем разного цвета. У Ховрина – труселя в горошек, которые стояли шалашом. Тут проходила «красная линия». Напряжение было невероятное, сильнейшее сердцебиение и трясунчик. Таню тоже потряхивало. Ховрин мучительно долго боролся с двумя крючками на ее лифчике. Время будто замерло. Остаточная одежда словно прилипла к телу... Все дальнейшее было как взрыв, выход в открытый космос.

Потом Ховрин сказал Кате:

– Связи с родственниками это – табу! Всяко ведь ты со своим отчимом ни при каких обстоятельствах спать не будешь. Ты же не Наташа Сизова, или как ее там...

У Кати вспыхнули щеки.

– Ты вообще-то считаешь нормальным говорить с девушкой о таких мерзостях?

– Это реальная жизнь. У нас один паренек учился в классе, так он вообще спал со своей матерью. Отца у него изначально не было. Короче, с младенчества он спал с матерью в одной постели. Много лет. Потом у него появились утренние стояки, и он начал, как и все пацаны, подрачивать. Ну, и дальше все такое...

– Фу! Ты-то откуда знаешь?

– Знаю.

Кое-что однажды было рассказано самим пареньком Костей в очень пьяном виде, а что-то Ховрин наблюдал по записи на веб-камеру его, Костиного, компьютера, стоявшего у них в спальне по его же, этого придурочного Кости, наводке. Зачем-то тому это было надо, чтобы кто-то другой посмотрел эту запись. Тут психиатру виднее. Костя хотел похвастаться, какую классную тетку он отымел, но Ховрин догадался, что это была его мать: увидел отражение в зеркале. Костю этого он не видел уже год. Да и вовсе не жаждал видеть. Своеобразный был паренек.

Катя поморщилась. У нее появилось гадкое ощущение, будто ей облепило паутиной лицо.

– Вдруг она его мачеха? Родная мать так не может!

– Если бы была мачеха или неродная, типа усыновившая, тогда все было бы в порядке. Трахнуть мачеху – святое дело. Она, его мамаша, кстати, очень даже симпатичная тетка, похожа еще на какую-то известную актрису – забыл, как зовут, типа Лара Крофт, фигура просто идеальная, хоть она и не очень молодая – тридцать восемь. Я бы тоже не отказался. Будь у нее муж, ничего бы этого, понятно, не было, он бы за такие дела им бы обоим бошки-то открутил. Царь Эдип. Подсудное дело. Развращение малолетнего. С другой стороны, кажется, инцест законом не запрещен. В бытовом плане. Фараоны женились на своих сестрах. Хотя все и выродились.

– Кошмар! А если она вдруг от него забеременеет? Родится одновременно и сын и брат. Если мальчик, – ужаснулась Катя.

– Думаю, она это просчитала. Взрослые женщины всегда это просчитывают.

– Но она ведь теперь ему точно жениться не даст!

– Или наоборот попытается сплавить, – пожал плечами Ховрин. – Понимает, что долго продолжаться так не может.

– Фиг там... Ему надо бежать – например, в армию и уже не возвращаться!

Ховрин помотал головой:

– Сто процентов отмажет. Она ему еще в шестом классе придумала астму, сделала медицинские документы. И еще есть такая организация «Солдатские матери» – там подобные безумные мамы собираются и подучают, как откосить от армии...

– И что будет? – спросила Катя.

– Не знаю. Само как-нибудь разрешится.

Вечером за ужином Валерий Константинович спросил непривычно молчаливую Катю:

– Вы с Виктором как-то общаетесь? Или просто так идете?

– Да, по всякой ерунде. О чем с ним можно разговаривать?

«Если бы вы только знали, о чем мы говорим», – подумала Катя. И еще думала, как она сама могла об этом говорить и обсуждать такие вещи. Ни с кем нельзя. А вот с Ховриным почему-то было можно.

Это было в понедельник, вторник прошел как обычно: репетиция группы «Дилижанс» и сразу домой, а в среду Ховрин пришел за Катей немного раньше. Шел дождь, было промозгло, и Ховрин решил зайти в школу, погреться. Охранник на входе остановил его, Ховрин сказал, что встречает сестру и имя-фамилию сказал: Катя Гарцева. Охранник кивнул: «Жди». Ожидая конца урока, они с охранником стали вести вялую беседу про футбол. Через пять минут в школе оглушительно прозвенел звонок, и тишина тут же сменилась нарастающим гулом и воем: это совершенно дикая толпа школьников с воплями неслась по коридору, как стадо бизонов по прерии. Учителя, люди опытные, имеющие профессиональный иммунитет, еще как-то увораживались. Людей непривычных, бывало, сшибали так, что дело кончалось серьезной травмой. Ховрин прекрасно помнил, как когда дважды на его памяти в его родной школе вынесли двери в столовую и сшибли чье-то родителя и буквально по нему пробежали, так что он вынужден был обратиться в ближайший травмпункт.

Наконец, появилась и Катя. Ховрин махнул ей рукой. Подумал, что она будет ругаться, но она даже дольше, чем следовало, тянула: видно зачем-то хотела показать Ховрина одноклассникам – якобы вот у нее есть такой парень. Ховрин держал ее сумку, пока она очень долго поправляла шарф у зеркала, хотя вполне могла это сделать и в раздевалке, вовсе не обязательно у всех на виду. Вначале она наоборот говорила, чтобы он ни в коем случае не заходил, а ждал за углом.

В четверг поехали на курсы. После курсов в университете Катя вдруг свернула к дверям ресторана.

– Ты что? – это дорогой ресторан! У меня с собой всего штука, – процедил Ховрин одними губами

– Я есть хочу! – в голосе Кати прозвучали твердые и капризные нотки. – Не бойся: деньги я взяла.

– Неудобно, если ты будешь платить! – запротестовал Ховрин.

– Ты и плати. Я тебе деньги тихонько передам. Они все равно от отца. Целая куча осталась с зимы. Не парься – у меня дома еще есть. Он разрешил. Пошли!

В этом ресторане по вечерам была живая музыка. Микрофон поначалу оглушительно засвистел, потом звук настроился:

– Раз-раз... Добрый вечер, уважаемые дамы и господа! Меня зовут Виктор. Я музыкант этого ресторана. Желаю вам приятно провести вечер...

Потом по-настоящему вдарило по ушам. Виктор что-то запел козлиным голосом. Ярко за стеклом горел камин. Было довольно уютно. И еда была вкусная.

Увидев счет, Ховрин похолодел: «Пипец!» Катя и глазом не повела, покопалась в сумочке, сунула под столом Ховрину несколько купюр. Когда официант принес сдачу,скомандовала:

- Десять процентов оставь на чай!
- Это еще зачем? – удивился Ховрин.
- Так положено.

Вышли на улицу.

– Я маме и папе про эти деньги не говорю – отец советовал не болтать. Чтобы не было искушения. Он дал мне золотую банковскую карту. Это тоже его банк – не полностью, конечно, но у него там десять процентов акций – а это для банка считается очень много. Впрочем, родители меня не спрашивают. Им тоже хорошо, что я не прошу у них денег на одежду и все такое. Так с Нового года как-то само собой сложилось. Папа... который отчим, Валерий Константинович, – уточнила Катя с некоторой паузой, – сам неплохо зарабатывает. Да и мама вроде тоже.

- Берешь, сколько хочешь? – восхитился Ховрин.
- Нет, конечно. Мой лимит – десять тысяч долларов в месяц.
- Ни фиги себе! Неплохо.

– Еще ни разу не выбирала полностью. Сразу столько налички и не снимешь, могут заблокировать счет. За раз больше тысячи баксов в рублях наличными банкомат просто не выдает. Но столько мне и не надо.

Помолчала с минуту, потом сказала:

– У мамы и у меня – фамилия отца. Мама, когда за... – тут Катя запнулась, – за па... Валерия Константиновича выходила, фамилию не меняла. В свидетельстве о рождении у меня записан родной отец. Я узнала об этом только когда получала паспорт. Как-то никогда об этом не думала. Это было его условие: тогда он высылал деньги.

Эта чехарда с отцами доставляла Кате явное неудобство, опять же постоянные теперь уточнения кто родной, а кто неродной ее немного коробили.

– И тут-то возникла проблема. Если я выезжаю за границу одна, то должна иметь юридическое разрешение на выезд из страны от обоих родителей. Или я могу выехать с любым из родителей, имея при себе свидетельство о рождении. Отец уже два года постоянно живет в Англии и в Россию не приезжает. Разрешение на выезд он может прислать только заверенное английским нотариусом, его точно наши погранцы не примут. Что нашим пограничникам английский нотариус? – никто, явный шпион, вражеский агент.

– А как же ты летала на Бали?

– Я летела не из Питера, а из Хельсинки, а туда меня мама привезла на «Аллегро». Посадила на самолет до Сингапура, а потом на «Аллегро» же вернулась обратно в Питер.

– Заморочно, – покачал головой Ховрин. – А знаешь, в Англии левостороннее движение, а руль справа, – сказал Ховрин.

– Знаю. В Сингапуре тоже.

На следующий раз зашли перекусить в какое-то кафе подешевле – что-то типа русского варианта фаст-фуда – явный шалман с характерной для таких мест грязнотцой. Ховрин пошел заказывать еду, Катя же заняла столик.

Когда Ховрин вернулся с подносом, рядом с Катей уже сидели два молодых кавказца, чуть ли не хватали ее за руки. Катя замерла в ужасе.

Ховрин подошел с широкой улыбкой и радостью во взоре:

– Здравствуйтесь, друзья!

Те сначала посмотрели, как волки смотрят: резать сразу или чуть позже. Потом их отпустило. Никто им не угрожал, не нарывался.

– Привет, брат! Это твой девушка?

– Мой.

– Ну, извини тогда. Очень красивый у тебя девушка.

Вроде как ушли. Катя тут только и выдохнула. Больше против охраны она не высказывалась. Слишком опасный мир окружал ее.

«Просто не надо ходить в такие шалманы», – был сделан однозначный вывод.

С того дня они стали посещать только дорогие рестораны.

Кате это нравилось. Ховрин тоже был не против, раз проблемы оплаты не существовало. Ходили в самые разные заведения, а в те, которые понравились, бывало, и повторно. И разговоры за столом вели там самые разнообразные и часто довольно откровенные. Так уж у них повелось с самого начала, сложилась своеобразная традиция.

Во время очередного посещения ресторана, отрезая кусок стейка, Ховрин сказал:

– Тебе хорошо: у тебя финансовая проблема не стоит. Не надо подрабатывать. Живи в свое удовольствие. Я вон на стройке работал. Знаешь, как там осенью и зимой? Потом кабельщиком лазал по крышам и чердакам. Думаешь, из удовольствия? Деньги зарабатывал. Большинство работает чисто из-за денег. А тебе это не нужно. Какие у тебя вообще планы на жизнь?

– То есть? – переспросила Катя.

– Понятно, что у всех девушек есть один общий глобальный и главный жизненный план: удачно выйти замуж, желательно по любви, родить детей. У теток к этому полагается иметь хороший дом, большую кухню, шубу, машину и любовника. Ну, там все юные девушки до двадцати хотят быть моделями, ходить по сцене в купальниках, сниматься в кино, петь со сцены. И тут всегда нужен спонсор. Сейчас за бабки из любого можно сделать певца или певицу: лицо посмазливее, компьютером изменить голос и все такое. Купить и исполнить хит типа «Я помню твою волосатую жопу!»

– А что у мужчин? – хмыкнула Катя, орудуя ножом и вилкой.

– Понятно, зарабатывать много денег, завести семью, детей, иметь много любовниц, хорошую машину, большой дом.

– А без любовниц никак? – с иронией спросила Катя.

– Без любовниц не бывает. Один и тот же человек рядом за какое-то время просто надоест, теряется острота ощущений. Да и не престижно.

– А как же вечная любовь?

Ховрин тут же перевел разговор:

– Ну, так какие лично у тебя планы?

– Про семью и детей это правда. А вообще – наверное, все-таки поеду учиться в Англию.

Вот вчера подумала и решила.

– По маме скучать там не будешь?

– Она меня тут уже запилила! И вообще: я хочу пожить одна. Я уже говорила: у них там, в западных универсах, говорят, хорошие общаги-кампусы, типа комнаты максимум на двоих или вообще на одного. У них в семье я точно жить не буду. Решила окончательно.

– Глядишь, тебе еще и наследство обломится.

– Перестань. Не хочу об этом говорить. – Катя нахмурилась.

– Только смотри, отравит тебя мачеха: свои-то дети ближе. Такое уже тысячи раз в истории было.

– Ха-ха. Очень смешно. Я сейчас со смеху описаюсь!

За соседним столиком сидели две красивые молодые женщины – блондинка и брюнетка. Обе очень холеные. Обсуждали одежду, сумочки, какие-то еще покупки. Перед обеими на столике лежали телефоны. Один запиликал. Женщина взяла мобильник, отошла в холл, где с минуту вела оживленный разговор с активной жестикулирующей свободной рукой. Возвратилась, еще разговаривая. Тут и закончила:

– Целую, любимый! Пока! Чмоки-чмоки! – прошебетала она. Потом отключила телефон, бросила его на стол, посмотрела на подругу: – Вот придурок! Не хочет, гад, покупать! Блядь!

Катя с Ховриным приснули со смеху.

А женщины продолжили обсуждать свои насущные проблемы:

– Знаешь, в нашем детском саду появились психологи, стали спрашивать детей, – тех, у кого нет отца, – о том, живет ли мама одна, ночуют ли у нее мужчины; других, у кого есть отец, кто их моет в ванной, в чем ходит папа дома. Не ходит ли он голый, спит ли ребенок один или в постели с родителями. Я видела этого психолога однажды – чистый педрила со всеми типичными ужимками. Получается, пидарасом быть можно, а в одних трусах ходить по дому почему-то нельзя. Приехали! Мне стало жутко. Я уже от одного вопроса почувствовала себя голой... – поежилась блондинка.

– Да уж... Европейская демократия пришла и к нам... – сказала ее подруга.

Потом блондинка спросила брюнетку:

– Сколько времени ты хотела бы, чтобы твой муж не женился и не нашел другой женщины после твоей смерти?

Та задумалась, потом сказала:

– Хотя бы год. Я надеюсь на год... А ты?

Тут принесли счет, и Катя с Ховриным засобирались, так и не узнав, что ответила блондинка.

За месяц они обошли почти половину улицы Рубинштейна, меняя ресторан за рестораном. Их там было очень много. Никаких приключений и конфликтов в том районе у них не было. Только однажды что-то сзади там замаячило подозрительное. Ховрин насторожился, еще раз оглянулся – вроде никого. Сунулся в подворотню и отшатнулся. Там стоял человек в черном, лица его совершенно не было видно, словно он был в маске. Жуткий совершенно субъект. Ховрин от ужаса даже клацнул зубами – уж больно этот тип был похож на призрака или ожившего мертвеца-зомби, – однако же, сжав кулаки, шагнул к нему, спросил:

– Тебе чего, мужик, надо? Чего ты за нами ходишь-то?

Ожидал всего, чего угодно, однако тот ничего не ответил, ни бэ и мэ, а тут же повернулся и быстро пошел прочь внутрь двора. Больше его и не видели. Наверняка это был маньяк.

– Интересно, а в Англии есть маньяки? – спросил Ховрин, нагнав слегка напуганную Катю.

– Хватит про маньяков! Мне и так страшно.

– Ладно.

Впрочем, тут же и сам оглянулся – на всякий случай. Маньяки умеют подкрадываться очень тихо.

Через неделю по дороге недалеко от Катиного дома случилось неприятное происшествие, и у Ховрина сложилось ощущение, что их специально караулили. Грязный внедорожник «Инфинити» остановился у обочины, опустилось стекло, оттуда высунулось небритое рыло, прохрипело:

– Эй, красотка, поехали с нами!

– Отвалите! – буркнул Ховрин.

– Эй, ты, иди-ка сюда!

– Тебе надо – ты и иди!

И тут из внедорожника вывалились двое типов, причем чистые бандиты: хватай и снимай их в сериале про ментов. Один, который небритый, обычного плотного телосложения, а другой – толстый, одышливый, улыбка – жуткая, зловещая. Матерые волки. Ховрин похолодел. Но тут внезапно появилось еще одно действующее лицо. Сзади с писком тормозов остановилась иномарка – нешикарная, среднего класса, японская, что-то вроде «мазды» или «хонды», оттуда вышел мужчина лет сорока в расстегнутой кожаной куртке. Он был без головного убора, волосы темные, зачесаны назад, глаза широко расставленные, взгляд очень твердый. Руки в карманах куртки. Все присутствующие посмотрели на него, и у бандюков настроение явно тут же упало. Толстый сразу же перестал улыбаться. Мужчина в первую очередь поразил Ховрина

своим невероятным абсолютным бесстрашием, которое, несомненно, обозначало то, что за ним стоит еще кто-то очень могущественный.

– Тебе, парень, помочь? – прямо в лоб спросил он Ховрина, совершенно при этом игнорируя бандюганов. Ховрин лишь пожал плечами, даже не зная, что и ответить. А что тут говорить: помощь явно была бы очень даже к месту.

И лишь только потом мужчина как бы обратил внимание на бандитов. Те совсем скисли.

– Ладно вам, шутка, мы уезжаем, – сказал первым толстяк уже миролюбиво и полез в машину. За ним и другой полез без слов. Сочно хлопнули двери. Тут же они и уехали.

– Чего им от тебя было надо? – спросил мужчина.

– Хрен знает, мы вот с ней идем домой, – Ховрин кивнул на Катю, стоявшую за несколько шагов сзади, – а они тут прикопались...

Мужчина какое-то время, чуть наклонив голову на бок, рассматривал Катю, потом Ховрина. Затем, подумав, вынул из нагрудного кармана куртки визитку, сказал тихо, чтобы Катя не слышала:

– Этих уродов не бойся. Я их знаю: это Васюков и Ермилов – известные пиздоболы. Первый уже сидел за драку, другой – за кражу. Если снова будут лезть – пизди их, не раздумывая. А будут проблемы – звони! И если с полицией будут заморочки – тоже звони. Давай. – Пожав Ховрину руку, он сел в свою машину и уехал.

Ба, еще одна визитка! Ховрин рассмотрел ее: там был герб Петербурга и написано: «Федеральная служба безопасности управление по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Гурьев Михаил Петрович, начальник отдела» и далее шла аббревиатура, которую Ховрин расшифровать не смог. Что ж, такой телефон действительно очень даже мог быть полезен, хотя такая неожиданная встреча была более чем удивительная и странная – очень уж своевременная. Чтобы человек просто так вступился за другого – дело в наше время вообще необыкновенное.

Часов в десять вечера Ховрин подходил к своему дому. У входа в подъезд стояла соседка тетя Клава. Она ждала какого-то Никиту, вроде как племянника. Что-то ей там надо было с ним или ему передать. Тут же толкся какой-то его, этого самого Никиты, смурной приятель, явно обдолбанный.

Как говорится, зацепились языками. Пока болтали, подошел и этот самый Никита со свисающей на лоб челкой. Его явно качало. Мутно поглядел на Ховрина:

– Чё тебе, блядь?

Потом, не дождавшись ответа, ушел, раскачиваясь, как матрос после плавания. И приятель его смурной за ним потянулся.

– У него вообще все нормально с головкой-то? – покрутил у виска Ховрин.

– Да не совсем, – махнула рукой тетя Клава. – И все эти банки долбаные, коктейли-говнодринки! Он на них подсел, пьет чуть ли не каждый день штук по пять. Конечно, крышата и поехала!

– А этот дружок его черненький тоже ку-ку?

– Этот курит дурь по восемь закруток в день. Меньше не может, иначе свирепеет.

Ховрин только пожал плечами: каких только придурков не бывает на свете.

В середине недели внезапно потеплело. Снег стремительно, буквально на глазах, начал таять, на газонах тут же всплыло скопившееся там за зиму собачье дерьмо, обрывки бумаги, полиэтиленовые пакеты и окурки в несметном количестве.

В четверг днем вдруг позвонила знакомая Алина Жураева.

– Приходи сегодня ко мне, – промурлыкала она. – У меня родачки свалили в Финку до воскресенья. Можем позажигать. Жрачка есть, купи только бухла. Только не покупай явного говна, возьми ром «баккарди» или виски. – Пауза. – И презики не забудь, хе-хе...

Предложение было заманчивое: могла получиться веселая ночь.

– Лады. Только я сегодня работаю до десяти.

– Нормально. Я тоже до восьми. Как раз приведу себя в порядок, схожу на маникюр.

Девушка она была довольно миниатюрная, но темперамент имела невероятный. Вообще почти не спали. К утру Ховрин был полностью истощен, буквально высосан до капли. Когда пошел помочиться, боялся, что будет писать кровью.

– Чего-то у тебя вид утомленный, – заметил Михалыч утром в зале.

– Да полночи в Интернете просидел, – промямлил Ховрин, стараясь в его сторону не дышать: выпили вчера прилично.

– Ага, и от этого засос на шее! – ухмыльнулся Михалыч, но беззлобно. Тоже в свое время, наверное, был любитель этого дела.

Ховрин же про себя чертыхнулся. Шалунья Алина любила оставлять отметины. Обязательно или куснет, или оставит засос. И еще была у нее манера: намотать свой волос на пуговицу. Ховрин уже несколько раз находил такие волосы. Еще была положена использованная упаковка из-под презерватива – случайно обнаружил ее в заднем кармане джинсов, когда одевался. А вдруг бы выпала, когда не надо. Вика могла не понять.

После спортзала Ховрин заехал к своей родной сестре Тане. В квартире пахло горелой кашей, молоком. Трехмесячный Ленечка (по прозвищу Ежик) махал ручками и ножками в своей кроватке, пускал слюни, хныкал. Таня в домашнем халате, растрепанная, металась по квартире. Вид у нее был безумный и отчаявшийся. Всюду царил хаос. Все дверцы в шкафах и полках были почему-то открыты, словно после обыска. Все тарелки были с отбитыми краями, а кружки треснутые.

Она вдруг села на табуретку, опустила руки на колени и разрыдалась:

– Не знаю, что и делать! Все падает из рук.

– Ты не можешь справиться с одним маленьким ребенком, а как же люди справляются с двумя или тремя?

– Я не знаю, – плакала она. – Я спать хочу!

Ховрин тоже спать хотел, но сказал:

– Иди, поспи часок, а я тут чуток приберусь. Покачаю Ежика.

Таня подняла глаза с вопросом.

– Иди, иди! – кивнул Ховрин. – Если что – разбужу.

Сестра пошла в спальню, упала щекой на подушку и через минуту уже спала. Она не слышала ни гудения пылесоса, ни звона разбитой тарелки, которую уронил Ховрин. Но мгновенно проснулась, когда запищал Ежик. Стала его кормить грудью.

Ховрин в это время вынес мусор. Когда вернулся, спросил про Таниного мужа:

– А Сергей-то твой где?

– Работает. Он постоянно работает, а денег все равно нет. Раньше мы вдвоем работали, как-то хватало. В Турцию ездили.

Когда Ховрин вечером ждал Катю с тенниса, дремал сидя на диване в холле спортивного клуба. Та его растолкала: «Пошли есть!» В ресторане Ховрин тоже заклевывал, отвечал невпопад. Чуть не уткнулся в тарелку лицом.

Наконец наступила суббота. С утра шел дождь, к полудню он закончился, но подул такой сильный ветер, что пришлось натягивать на голову капюшон и надевать перчатки. Все сидели по домам. Ховрин переключал каналы, но, как обычно, в субботу, смотреть по телевизору было нечего.

Стало скучно. Позвонил Вике.

– Я сейчас у сестры, – ответила та. – Если хочешь, заходи, пообедаем тут, и кое-чего поможем нам передвинуть. Адрес: Беринга, семнадцать.

Это было совсем рядом. Ховрин отправился туда пешком. Позвонил в дверь. Прошло довольно много времени, наконец, провернулся замок. В дверях стояла Гуля, Викина сестра.

Очень располневшая после родов, круглолицая. На руках у нее сидела маленькая София и таращилась на окружающий мир. Увидев Ховрина, глаза ее вообще округлились, а соска выпала изо рта на пол. Гуля соску подняла, облизала, и сунула обратно в маленький ротик. София, продолжая таращиться, быстро зачмокала. Вика, оказывается, ушла в магазин через дорогу и должна была скоро вернуться.

Ситуация у Гули с сестрой Ховрина Таней была почти что зеркальная, один к одному, разве что в доме тут был идеальный порядок: Гуля тоже крутилась с ребенком, только с девочкой, и тоже практически одна. Муж вкалывал где-то на стройке с раннего утра до позднего вечера почти без выходных. Зарабатывал, чтобы кормить семью и платить ипотеку. Денег тоже катастрофически не хватало. Мать Гули и Вики с маленькой Софией не сидела, а работала няней в богатом доме. Официально же она числилась на каком-то предприятии, там лежала ее трудовая книжка, и потихоньку шел официальный трудовой стаж на всякий случай и опять же для пенсии. Ее зарплату получал кто-то другой. Всех это устраивало. Платили за работу няней ей очень хорошо. До этого, вкалывая целый день в супермаркете на кассе, она получала в два раза меньше, поэтому нынешней работой дорожила. Тут и налогов не было никаких – чистые деньги. Правда работать приходилось по двенадцать часов: неотлучно сидела с ребенком, домой возвращалась самое раннее в одиннадцать вечера. Приезжала на такси, которое ей тоже оплачивали хозяева. Имела только один выходной – воскресенье. Иногда и ночевала там, если родители где-то задерживались. Впрочем, условия работы у нее были очень хорошие. Прошлым летом вместе с ребенком и его матерью она ездила на три месяца на Крит.

Вика в то лето ощутила свободу, гуляба в квартире все лето шла непрерывно. Перед приездом матери два дня ползала по квартире на карачках, смывала со стен и пола сперму и рвоту, а под диваном обнаружила целую кучу уже засохших презервативов. Казалось, вычистила все идеально, но мать что-то там такое нашла, расшумелась: «Нельзя тебя одну оставить!»

Этим летом они тоже собирались с ребенком вроде бы на Мальту и тоже, считай, на все лето. Вика дождаться не могла лета.

Наконец появилась и она, причем без косметики. Лицо Вики без «боевой раскраски» казалось каким-то беззащитным и совсем детским – хоть тотчас букет хризантем в руки и в пятый класс. Впрочем, не исключено было, что она и чуть поплакала совсем недавно – веки были припухшие и красненькие.

Сначала Ховрина заставили передвигать мебель. Потом пообедали. После этого они пошли с Викой в кино, затем в пиццерию. Вика весь вечер была необычно тихая, ласковая. Все ее постоянное раздражение последних дней куда-то делось. Вид у нее был таинственный. Ховрин даже начал тревожиться, не беременная ли она. Однако ничего такого не говорила, а спросить самому Ховрину про это дело показалось неудобным. Потом пошли к Ховрину, у которого мать была на работе. Дома долго пили чай. Потом перестилали белье на постели. Кстати, у Вики была подруга Настя. Она работала горничной в отеле. Убирала, меняла постельное белье в номерах много раз за день.

– Как она может? Я больше всего ненавижу надевать пододеяльники, а она делает это сто раз за день. Бр-р-р... – содрогнулась Вика, увязая в пододеяльнике.

И еще у нее была особенность:

– Не могу касаться бархата – меня сразу в дрожь бросает!

Ховрин только похахатывал.

Три дня прошли спокойно. Наступил четверг. К четвергам Ховрин начал относиться с некоторым внутренним трепетом. За последний месяц четверг явно становился потенциально самым опасным днем недели. В этот день нужно было сделать пеший проход домой, а это стало опасным. Решение было простое: взять у кого-нибудь на время машину. У Саши Земскова – Зимы был в пользовании старый «жигуль-шестерка» на ходу: продать сложно, выбросить – жалко. Зима согласился сразу:

– Забирай и катайся – она мне нахер не нужна!

Вечером Ховрин подогнал к школе «шестерку», которую драил целое утро. Одних окурков выкинул из салона чуть не полведра. Катя посмотрела на нее с изумлением.

– Я в это ржавое ведро ни за что не сяду! – На ее лице отразился ужас.

– Нормальная машина! – Ховрин похлопал ладонью по гулкой, слегка помятой крыше. – Прет только так! Но на ста десяти начинается сильная вибрация от кардана. Страшно, что развалится. Но по городу такая скорость и не нужна. Нам только до метро доехать.

Но, похоже, не особо-то он Катю убедил. Впрочем, «шестерка» заводилась через раз и то прямым проводом с аккумулятора на стартер – иначе никак. Больше стояла, чем ездил. Еще и одна фара не горела. В конце недели он отогнал ее назад Зиме. Тот даже не удивился.

Четверг, однако, прошел без приключений, если не считать маеты с машиной.

А Ховрин опять пошел домой через дворы. Там у трансформаторной будки была такая ниша, где можно было помочиться. Ховрин нырнул туда. Пока делал дело, услышал какой-то гомон. Высунул голову из этой щели и тут увидел, что бывший его одноклассник Саша Лаврик, он же Лаврик, попался в лапы темных сил. Компания явных злодеев обступила его. Лаврик стоял перед ними, весь дрожа, сжав кулачки и сверкая очками. Смотреть на него было жалко и больно, как на свернувшегося в клубок на шоссейной дороге ежа. Однако это и было самое настоящее мужество. И это притом, что у него не было никаких шансов. На миг промелькнуло в глазах злодеев смешанное с уважением удивление, причем, тут же сменившееся злорадством. Могла получиться потеха.

Смотреть на это было невыносимо. Мир мог вполне лишиться будущего академика Ландау или Стива Джобса. Ховрин, чертыхнувшись, вылез из своего убежища, подошел к изумленному Лаврику, хлопнул его по плечу:

– Привет, Шурик! Чего вы тут замутили?

Злодеев он словно и не видел, потом только повернулся к ним:

– Чего тут забыли, пацаны? Грабители, блин, с большой дороги?

– А те че, бля?

– Да ниче, – недобро осклабился Ховрин. – Хуй через плечо!

Они уже по стремительным и точным движениям, по набитым на костяшках кулаков мозолям определили опытного бойца. Что-то буркнули, повернулись, как по команде втянули головы в плечи и ушли, ссутулясь, засунув руки в карманы курток.

– Ну, Витюха, ты вовремя! – выдохнул с облегчением Лаврик, трясущимися руками поправляя очки. – Спасибо!

– Всегда пожалуйста.

Еще немного поболтали о том о сем да и разошлись.

Уже заходил в подъезд, как позвонила еще одна знакомая девушка Юля П., – как-то познакомились с ней под Новый год в каком-то клубе будучи в полном угаре и там же в туалетной комнате имели мимолетный секс. Потом какое-то время тусовались в одной компании и еще пару раз имели интимную близость. Пригласила к себе, и Ховрин тут же изменил маршрут. Юля была немного старше Ховрина. Ей было уже двадцать лет – совсем недавно исполнилось – отмечали. Или уже двадцать один? Дверь открыла, завернутая в белое махровое полотенце, которое тут же с нее и слетело. Юля была невысокая, худенькая, с маленькой грудью. Лобок у нее был выбрит до узкой темной вертикальной полоски. Она могла бы играть детей в ТЮЗе, но по жизни была уже матерая женщина. Года два жила с каким-то взрослым мужчиной, но вот недавно они расстались, и теперь она искала нового партнера. Ховрин на постоянную связь из-за неопределенного социального статуса никак ей не подходил, но развлечься с ним вполне было можно, снять напряжение для здоровья. С ним было бесппроблемно. То, что надо. Он не парил мозг. У нее была своя особенность. Юля почему-то и до и после секса любила обсуждать

свои частные дела, видимо, больше было не с кем, и делать это с Ховриным она считала вполне безопасным. Она выговаривалась и при этом принимала решение.

И сейчас, накрытая по пояс одеялом, с маленькой голой грудью, с сигаретой в руке она впаривала Ховрину про какую-то свою чисто женскую проблему, в которой он, естественно, ничего не понимал.

– И что ты по этому поводу думаешь? – пихнула она его, выдернув из дремоты.

– Я-то откуда знаю? Спроси свою подругу Олю. Ну, эту, как ее... – Ховрин пощелкал пальцами. – Савченко, что ли...

Юля махнула рукой:

– Савицкую? Бесполезно – она беременная. Разговаривать с ней ни о чем невозможно. Несет какую-то херню. Такое ощущение, что она вдруг отупела. Нос заложен, рот постоянно открыт. Все об одном талдычит: где кровать поставить и все такое. Какой-то комод с пеленальным столиком. И еще постоянно про тонус матки. Кому это интересно? Неужели и я такая буду? И курить придется бросить? Меня мама тоже родила в двадцать. И до сих пор они живут с отцом душа в душу, тьфу-тьфу-тьфу. Отец в последний год даже пить бросил – почти не пьет, только пиво, – у него панкреатит, давление, еще недавно и диабет нашли. Курить только не может бросить. Ну, и футбол смотрит – всех уже задолбал. Орет на весь дом. Накупит пива, сядет на диван и усядется в ящик смотреть все подряд. А когда его друзья иногда приходят – тогда вообще атас!

– Аню тогда спроси... Ты мне про нее как-то рассказывала...

– То же самое. Она полгода назад родила. У нее теперь все разговоры сводятся к тому: что Данечка поел, как Данечка посрал. О чем ни начни говорить, все скатывается туда. Скукота. А ведь была когда-то нормальная девчонка. Неужели и я такой буду? – снова спросила она.

– Родишь – будешь! – буркнул Ховрин, у которого неудержимо слипались глаза, а Юлия его постоянно пихала в бок: «Не спи!» Ей хотелось поговорить.

– Ну, не знаю... Это ужасно.

– Такова ваша женская доля.

– Не спи, блин!

Пытка какая-то.

На другой день, когда Ховрин возвращался от Катиного дома к метро, подвалил серьезный парень:

– С тобой хотят поговорить.

Ховрин подошел к машине. Это был большой черный внедорожник «Тахо». Стекло задней двери опустилось. Ствола с глушителем, впрочем, оттуда не высунулось, но там сидел человек во всех отношениях неприятный. Лицо его было словно жеваное.

– Слушай сюда, малой! Жить хочешь? – прохрипело это лицо.

– А вы, дядя, кто? – оторопел Ховрин.

– Дед Пихто! Мне нужно перетереть кое о чем с твоей девчонкой! Всего пару словечков. Чисто по делу. Один на один. Ты просто постой в стороне. Пять минут.

– Скажите, о чем, я ей передам.

И тут этот жеваный человек словно что-то или кого-то вдруг увидел позади Ховрина, отчего изменился в лице, поднял стекло, и машина тут же умчалась. Ховрин обернулся, но ничего особенного не заметил. И парень, что подходил к нему, тоже куда-то делся.

Тут же записал по памяти номер машины. Подумав, позвонил Печерскому:

– Виктор Станиславович, можно с вами посоветоваться?

Поразило Ховрина, что тот звонку вовсе не удивился. Услышав только начало истории, Печерский буквально заорал в трубку:

– Приезжай сейчас же! Театр «Балтийский дом» знаешь? Рядом правее там есть бильярдный клуб «Шарада». Скажешь охраннику, что ты ко мне, и тебя проведут.

Ховрин проехала туда на метро – до «Горьковской», оттуда пешком дошел до клуба. У клуба стояли, по крайней мере, два "рэнж-ровера", большой «мерседес» и еще много других недешевых иномарок. Подошел к охраннику, тот кивнул и незамедлительно повел его в зал. Тут был полумрак, ярко освещались лишь зеленые бильярдные столы. Тусовочный народ еще не собрался, музыка звучала откуда-то из глубины. Там стояли столики. На стене светились мониторы. Показывали какой-то рукопашный бой. Все, глядя на экран, непрерывно трещали фисташками. Какой-то мужчина с тухлым лицом как всунулся носом в кружку пива, так и не вылезал из нее, словно спал.

В полумраке за обычным ресторанным столиком сидел сам господин Печерский. Стол перед ним был засыпан скорлупками от фисташек. Кружка пива была опустошена наполовину.

Бумажку с записанным номером Печерский сразу передал какому-то человеку, который тут же вышел. Потом спросил:

– Опиши его.

– Довольно противный, лицо изъедено рубчиками, будто раньше были прыщи. Бугристая голова. Старый – лет пятьдесят.

Тут появился человек, которому передали записанный номер, что-то прошептал на ухо Печерскому.

– Ага, – сказал тот. – И чего он от тебя хотел?

Сам Печерский представлял собой гору жира, в которую нередко превращаются бывшие спортсмены-тяжеловесы, когда уходят из спорта и перестают тренироваться. У него был складчатый загривок бегемота, выпиравший сзади над воротником. Его, как борова, можно было резать на сало. В голодные годы на Украине его наверняка засолили бы и съели бы. Там любят сало. При этом он был в явно очень дорогом костюме, с галстуком, на котором блеснула золотая заколка.

И вот этот большой солидный человек вдруг придвинулся к Ховрину и с интересом десятиклассника, интересующимся дракой только что произошедшей в школьном туалете, спросил:

– Я вот чего не понял: хули он до тебя-то доебался? – в глазах Печерского блеснул искренний интерес.

Ховрин, переминаясь с ноги на ногу, сказал. Чувствовал он себя довольно неприкаянно, уже жалел, что пришел.

Какое-то время Печерский думал, потом понимание и решение возникло в его глазах.

– Любопытно. Очень любопытно....

Он переглянулся с сидевшим рядом мужчиной в костюме, в очках и с галстуком. Тот едва заметно кивнул. И тут Печерский резко изменил поведение: он указал Ховрину на стул напротив:

– Ну, это несколько меняет дело. Садись-ка...

Позвонил куда-то, приложив правую руку с казавшимся крошечным телефоном к мясистому приплюсненному уху, ждал ответа, барабаня пальцами левой руки по столу.

– Давайте сходу ко мне! – сказал и положил трубку на стол.

Потом внимательно посмотрел на Ховрина. Глаза у него стали хитрые-прехитрые. И вообще вид у него стал как у Карабаса-Барабаса, вдруг узнавшего от Буратино, что в камерке папы Карло есть таинственная дверца. Ховрин потом думал, что так могло заинтересовать Печерского, но ничего придумать не мог.

Печерский достал из внутреннего кармана пиджака сверкающую золотом ручку, написал на бумажке цифры и дал Ховрину: там было два номера мобильных телефонов и два имени: Андрей и Сергей.

– Это братья Гарайсы. Наша гвардия. Если будут наклеиваться какие-нибудь разборки, типа этой, сразу звони им, они будут в курсе и если что – помогут... Это теперь будет типа твоя

«крыша». Надо будет, забьем стрелку. Ничего не бойся и, главное, не дергайся, тяни время, сразу звони Гарайсам.

По сидящим в комнате прошел шумок, народ заерзал. Услышав слово «стрелка», бугай за бильярдным столом утробно хохотнул, мотнул головой. Прозвище у него было Тапир. Очень точное – была у него некая глобальная горбоносость. Здоровенный, двухметровый парнище, спокойный, как слон. И кулаки у него были очень большие. И еще был тут один тип. Погоняло у него оказалось Миша-Топор. Нехорошее какое-то прозвище. Сам он был длинный, худой, заросший пегой бородой до глаз. Сами глаза его были какие-то мутные – страшный человек. Да и все тут были такие. И очкастый рядом с Печерским тоже был какой-то недобрый. У него были очки с очень толстыми стеклами и глаза его, казалось, жили самостоятельно где-то в глубине этих стекол. Зрочки метались в них, как рыбки в аквариуме. Жуть!

В этот момент подошли и сами братья Гарайсы, которых, видимо, Печерский и вызвал по телефону. Оба были просто огромные, светловолосые, с хрящеватыми носами, Ховрин оценил свои шансы в поединке против любого из них как однозначно нулевые. Он не продержался бы и минуты – прихлопнули бы, как клопа. Осознавать это ему было неприятно. Такое ощущение расстроило Ховрина, да и не только его, а буквально всех, кто когда-либо сталкивался с братьями Гарайсами. Печерский, отойдя с ними в сторону, что-то им сказал и показал им Ховрина. Те без особых эмоций кивнули.

Позже оказалось, что братья Гарайсы, Андрей и Серега, – светловолосые близнецы-гиганты – при абсолютной внешней схожести имели совершенно разные характеры. И только по этой разнице характеров их и можно было различать: Андрей был злой, а Серега – добрый. Или наоборот.

Еще через десять минут Ховрин вышел из бильярдного клуба. Пришлось чуть ли не протискиваться: у входа стояли очень тесно три большие машины – все черные внедорожники «Мерседес». Две были пустые. В третьей сидел водитель в пиджаке, белой рубашке с галстуком, но почти наголо стриженный, вроде, как и явно дорого одетый, но в целом совершенно ужасного вида, как будто бы только вышел из тюрьмы, где отсидел долгий срок за жесткое и дерзкое убийство.

В результате этой встречи Ховрин вроде бы получил «крышу», но все равно чувствовал себя довольно неуютно, поскольку ничего не понял, кроме того, что им явно играли вслепую. Мелкая шантрапа и гопота, понятно, в счет не шла, на нее можно было вообще не обращать внимания, а вот боевики на внедорожнике и жеваный тип на «Тахо» серьезно его обеспокоили. Вопрос, который его волновал и оставался нерешенным: причем тут вообще Катя Гарцева?

На следующее утро на тренировке Ховрин как обычно лупил кулакам и ногами по мешку.

И снова Михальч позвал, как пролаял:

– Витя, с тобой тут хотят поговорить.

Это оказался мужчина лет пятидесяти или чуть больше. Ростом чуть ниже Ховрина, плотный, широкий. Сам он был не то чтобы совсем лысый, но имел на голове довольно скудную, коротко стриженую седую поросль. Еще у него была «ришельевская» бородка, точнее клочок волос сразу под нижней губой, которую он, как оказалось позже, имел привычку тормозить, подергивать, когда задумывался. В комплекте с усами это образовывало вокруг рта кольцо волос. Он протянул Ховрину руку, крепко пожал, представился:

– Здравствуйте, Виктор! Меня зовут Сергей Николаевич Данилов. Я работаю в компании Владимира Петровича Гарцева, родного отца известной вам Кати Гарцевой, занимаюсь безопасностью его предприятий, находящихся на территории России. Вы, наверно, в курсе, что Владимир Петрович живет сейчас за границей. Тому способствовали разные обстоятельства. Катя Гарцева его дочь от первого брака. Он волнуется за ее безопасность. Думаю, на бытовом уровне тут проблем на настоящий момент нет. Но дело в том, что у него есть, скажем так, имеется серьезный оппонент, бывший партнер, который в свое время, скажем прямо, украл у

него довольно крупную сумму денег. Если на доллары это примерно десять миллионов. Некто Александр Борисович Гишинский. Ничего тебе не говорит эта фамилия?

Ховрин только неопределенно пожал плечами.

– Так вот: этот самый Гишинский недавно приехал в Петербург и находится тут уже две недели.

– А при чем тут Катя? – спросил Ховрин.

– Пока не знаем. Какие-то дела. Тут-то и вопрос, какие. Может, и не причем. Но на всякий случай мы хотим усилить ее охрану.

– Откуда вы все это знаете? – спросил Ховрин.

– Я работаю на Владимира Петровича Гарцева уже семь лет. А вообще-то я бывший офицер, когда-то служил в военной разведке, – сказал Данилов. – У меня свои каналы информации.

Ховрин посмотрел на него пристальнее. Обратил внимание на выпирающий, как у беременной месяцев пяти, животик. Данилов этот его взгляд заметил, но не смутился.

– Давно это было. Я уже почти пятнадцать лет лет как в отставке. И жена у меня готовит потрясно. Каюсь, каждый день наедаюсь на ночь. Борюсь с этим, но ничего поделать не могу. – Он кашлянул. – Опять же раньше много курил, полгода только бросил. Жрать охота постоянно...

К делу это вроде как не относилось, но Данилов, похлопав себя по животу, продолжил:

– Я еще ничего. Тут случайно встретил парня, с которым вместе служили срочную.

– И что? – спросил Ховрин.

Данилов почесал свою ришельевскую бородку.

– Я ужаснулся: это был очень старый, буквально кроманьонский человек, почти что питекантроп – настолько он был древен! А ведь мы служили в одном взводе. Никто еще не пугал меня больше. Он что-то говорил мне, лыбился зубными протезами, а я словно заглянул в склеп. От него пахло могильным гнильем. Он гнил заживо. Я испытал настоящий ужас, долго потом не мог прийти в себя. Выпил в тот вечер полбутылки коньяка и только тогда опустило.

Он какое-то время молчал, потом добавил:

– Знаешь, Витя, у меня была нормальная жизнь: школа, пионерские лагеря, спорт, армия, потом училище, нормальная служба, неплохая зарплата, семья, дети, небольшая, но уютная квартира. Мы напоролась на девяностые годы, как корабль на рифы. Все рухнуло в один миг. Я был тогда в полной жопе. И Вова Гарцев – Владимир Петрович – помог мне выплыть, и я ему за это навсегда – по гроб жизни – буду благодарен. Это было как рука из облака, вытянувшая меня из смертельного водоворота, из дерьма. И снова в один миг все изменилось. Я не мог этому поверить. Недели две приходил в себя. А потом встретил Валентину...

В целом Данилов вызывал у Ховрина доверие и симпатию.

– Поехали ко мне: пообедаем, заодно и поговорим, – сказал, поднимаясь, Данилов. – У меня жена сегодня дома. Хорошо готовит. Я не люблю общепит. Короче, я тебя жду на выходе... Иди переодевайся.

Ехать было недолго – до улицы академика Сизова. Поднялись на третий этаж, Данилов не стал окрывать своим ключом, а позвонил в дверь. Открыла молодая женщина лет двадцати восьми, не больше. Можно было подумать, что это его дочь, но дочери ведут себя немного по-другому.

– Валентина Михайловна, – представил ее Данилов.

– Просто Валентина, – улыбнулась женщина.

– А это Виктор. Накормишь нас?

– Конечно.

Валентина отправилась на кухню. Мужчины сняли обувь, куртки, вошли в комнату. Еще не сняв ботинок, Данилов прямо из прихожей щелкнул пультом телевизора. Там шел футбол.

Данилов бухнулся на диван. Кивнул Ховрину на кресло рядом, взяв оттуда журнал, распушив его и бросив на стол.

– Ты пробовал читать какой-нибудь популярный женский журнал – это же верх дебилизма! Говорящая пиз... – он запнулся, подбирая слово: – короче, понятно!

В этот самый момент из кухни вышла Валентина.

– Кто бы говорил! – обратилась она к Ховрину, ничуть не смутившись. – Когда он смотрит футбол, его не тронь! Причем даже если «Зенит» играет с каким-нибудь «Шахтером» или «Альмаром» или еще с кем. Буквально впивается глазами в экран, влипает в него! И тут вдруг какой-то наемный бразилец забивает этому самому «Шахтеру» или «Альмару» гол. Что тут твориться! Какой безумный щенячий восторг! Тут же ему надо куда-то мчаться, орать. А что ему этот бразилец? Я понимаю, если бы он сам забил, или сосед, или знакомый какой или хотя бы питерец, просто россиянин, наконец. А тут наемный бразилец. Что ему до него, до этого бразильца? Забьет он или не забьет. Победит «Зенит» или не победит. Тебе-то что? «Что он Гекубе? Что ему Гекуба?» Меня всегда это просто поражает до глубины души! Это ли не настоящий дебилизм?

Мужчины не ответили. Они впились глазами в экран. Впрочем, на этот раз давешний бразилец в ворота не попал.

– Что-то знакомое, – начал припоминать Ховрин. – Какая такая Гекуба?

– Это же Шекспир – из «Гамлета»! – укоризненно покачала головой Валентина. – Чему вас в школе учили.

– Пьесы эти, говорят, писал вовсе не Шекспир, а чуть ли не сама английская королева или один ее придворный – граф Оксфордский! – заявил Данилов.

Валентина на это только фыркнула:

– Заметьте: почему-то никогда не бывает двойного авторства в скульптуре или живописи, типа: вместо Микеланджело эти скульптуры по-тихому на заднем дворе вырубил некий граф Хренков. Или эту фреску вместо Джотто в свободное от государственной работы время написал сам итальянский король или римский папа – захотелось ему помалевать в свободное время. А вот с книгами такие вопросы возникают постоянно. Это потому что писать умеют все. Дело во всеобщей грамотности. А ведь этому графу по тем временам будто бы и делать было нечего, как пьесы писать. Да и захотел бы – не написал. По одной простой причине: тут нужен талант!

– Так кто же такая Гекуба? – еще раз спросил Ховрин.

– Царица Трои, вроде бы, – не совсем уверенно сказала Валентина.

– Сама не знаешь, а говоришь! – съехидничал Данилов.

– Посмотри в «Википедии». Я точно не помню, – пожал плечами Валентина, – я и не собираюсь все помнить. Когда-то знала, но забыла.

И снова ушла на кухню. Данилов же сказал, махнув рукой:

– Спорить бесполезно. Женщины – они другие, чем мы. Если бы на свете спрос определяли только мужики, бриллианты ничего бы не стоили, разве что как стеклорезы. Но на этом стоит целая промышленность. Амстердамские ювелиры что-то там круглые сутки точат, в Якутии кимберлитовые трубки роют – поразительно – из-за какой-то херни... Не понимаю.

Потом пошли на кухню обедать. Кухня была большая, со столом человек на шесть. Тут тоже был телевизор, но Валентина запротестовала по поводу футбола:

– Давайте просто пообедаем в тишине.

– Молчи, женщина! – пробасил Данилов.

– Ты – средневековый человек! – бросила в ответ Валентина.

– Все мы такие, – пробурчал Данилов, но телевизор выключил.

В три часа Ховрин засобирался:

– Мне пора в школу за Катей!

– Я тебя довезу, – сказал Данилов. – Так вот: с учетом сложившейся ситуации мы решили усилить охрану. Ты перекрываешь бытовое звено: сопровождение от школы до дома, всякие там хулиганы, бомжи и прочее. Внешне это выглядит вполне естественно: парень встречает и провожает свою девушку. Мы же сформируем вторую – невидимую линию охраны от более серьезных угроз: наездов со стороны полиции или других профессионалов. Соответственно твоя зарплата возрастает даже не в два, а в три раза. Тебе теперь будут платить теперь оба: Валерий Константинович и Владимир Николаевич.

«Оба отца», – подумал Ховрин.

– И еще, – добавил Данилов, – Валерий Константинович не в курсе последних изменений. И пусть так и остается...

Данилов по дороге рассказал еще историю про совместное с Гарцевым погружение с аквалангами где-то на Филиппинах. Там на глубине из скалы торчал острый камень. Течением их понесло туда. Данилов видел опасность, но крикнуть, понятно, не мог, а только с ужасом глядел, как медленно происходит сближение головы Гарцева и этого камня, потом голова коснулась острия и почти сразу оттуда забила струйка крови зеленого цвета – так выглядит кровь на глубине. А глубина была за тридцать метров. Долго на ней находиться было нельзя. Гарцев, впрочем, регулятора изо рта не выпустил, но задыхал заметно чаще. Чем-то надо было зажать рану. Сразу появилась мысль об акулах. Акул там было довольно много. Кое-как вынырнули. Зашивали Петровичу голову в местной больнице.

После паузы Данилов продолжил:

– А потом Гарцев вообще перестал нырять – у него начали болеть уши. Помню, он не смог погрузиться в пещере, в воздушном кармане. А там ведь экстренно не всплывешь. Еле-еле выплыл, ухо болело страшно, чуть сознание не потерял. Кажется, это было где-то в Мексике. Или в Доминикане? Точно не помню. Что-то с носом. Лечился – не помогло. Последние три года уже не ныряет. Но пьет. Беда.

Данилов прояснил и текущую ситуацию:

– Парадокс, но в школе никто не знает, чья она дочь. Точнее, кто ее родной отец. Фамилия ведь самая обыкновенная, да и вела она до нынешней зимы жизнь самую что ни на есть обыкновенную. Отчим ее, Валерий Константинович, которого все так и считают ее настоящим отцом, никогда в школе на родительских собраниях не бывал. Маргарита Михайловна этим занималась. Самые обычные люди, простая семья. И вдруг – нате вам: появляется профессиональная охрана! И тут неизбежен интерес соседей, школьных друзей и подруг. А в школе даже подруги не знают, кто ее настоящий отец. Ну, да, появились свободные деньги, но ведь и у подружек какие-то есть: сходить в кафе, в кино, купить кое-какие обновки – много ведь девушкам-подросткам и не нужно. Пока не присутствуют в их жизни шубы, бриллианты и автомобили премиум-класса. Чуть постарше будет уже другой уровень трат и произойдет разделение. Но это будет позже. Поэтому для настоящего момента ты подходишь идеально. Ты не выделяешься и похож на ее друга. Твоя задача, чтобы она не возвращалась с занятий поздно вечером и ночью одна. Это существенно снижает риск нападения. Даже старые бабушки встречают внуков – небось видел. Это уже защита. Нередко ведь стеклянной двери достаточно от проникновения, хотя ее и легко разбить. Но чтобы разбить, нужно совершить преступление. Просто так сумочку в людном месте не отберешь. Это рискованно для грабителя. Кроме того, ты имеешь необходимую для этого спортивную подготовку. Это и определило выбор. Теперь некоторые элементарные детали. – Он достал планшет, загрузил карту, ткнул пальцем. – Вот Катин дом. Вот ближайшая дорога из школы. Тут – проход вдоль детской площадки и между домами. Идеальное место для засады. Тут не ходите никогда. Лишних пять минут лучше обходите вот здесь. Понятно?

– Понятно, – кивнул Ховрин. А они-то как раз всегда ходили между домами через этот самый проход.

Еще Данилов дал целую кучу полезных советов: как действовать в определенных ситуациях, как входить в подъезд и тому подобное. И тут, оказывается, были свои тонкости.

– А вообще-то всем нужно соблюдать простые правила: не ходить ночью одному, тем более по пустынным и темным улицам, не ездить в общественном транспорте, не посещать подозрительные учреждения, ночные клубы. Меньше мотаться ночью на машине: много пьяных за рулем, большие скорости, всякие психопаты спокойно проезжают на красный свет. Все страшные аварии случаются обычно ночью. Все это знают, но не выполняют. Ладно, завтра еще раз встретимся и четко все распланируем, обсудим еще детали... Задействуем еще одного человека.

Проводив Катю до дверей квартиры, Ховрин вернулся домой в десять вечера.

Пришла возбужденная соседка тетя Клава, сообщила страшным шепотом:

– Витенька, за мной следят!

Ховрин даже не удивился: тараканы в голове, старуха совсем ёбнулась. Ей постоянно казалось, что кто-то хочет отнять у нее квартиру.

– С чего вы взяли? – хотел в очередной раз отмахнуться Ховрин.

– Пошли со мной!

В квартире был выключен свет, задернуты шторы. Щель, однако, оставалась. Прильнули к этой щели.

– Вот они! – тетя Клава ухватила Ховрина за голову и повернула в нужную сторону.

Ховрин присмотрелся. Там действительно стояла машина. Ну и что? Тут всегда много машин стоит. Но у нее работал двигатель, и вдруг внутри вспыхнула красная точка – кончик сигареты – кто-то затянулся. Действительно кто-то там сидел.

– Они прошлой ночью тоже стояли.

– Может, пасут какого-нибудь бандита, – предположил Ховрин. – Днем тоже стояли?

– Днем – нет! Как только ты отъехал на своей красенькой, они тут же уехали за тобой.

– Ну, не за мной же следят! – возопил Ховрин.

– За мной следят, – тетя Клава затряслась, – хотят забрать квартиру. Потом еще рассказала, что участковый приходил и хотел задушить ее телефонным проводом. «Совсем ёбнулась!»

На следующий день Ховрин сделал запись всей поездки видеорегиистратором, который укрепил присоской на заднее стекло. Действительно одна машина будто прилипла и долго ехала следом.

Запись он показал Данилову. Тот записал номер машины, похвалил:

– Молодец, что увидел.

Ховрин хотел рассказать ему про подозрения соседки, но не стал.

Данилов позвонил тем же вечером:

– С машиной я проверил: все нормально, забудь.

И действительно больше там машины не стояло, что тетя Клава незамедлительно отметила.

Обычно Ховрин провожал Катю до самых дверей квартиры. Подъезд закрывался на кодовый замок, однако дом был большой, и многих жителей в подъезде Катя не знала даже в лицо, хотя всегда здоровалась со всеми встреченными. Несмотря на кодовые двери, на лестнице было довольно обшарпано, на стенах – надписи, некоторые почтовые ящики разбиты, всюду валялись рекламные листовки. Дом был двенадцатиэтажный, Катя жила на пятом. Однажды лифт был сломан, пошли пешком, на подоконнике между третьим и четвертым этажами лежали смятые сигаретные пачки, стояли пустые банки из-под пива, пол был заплесан. Тут явно было тусовочное место. В определенной ситуации оно могло быть опасным.

На площадке выше этажом слышался мужской, но очень слащавый голос: какой-то парень говорил по телефону:

– Эдик, милый, ты знаешь, где я стою? У дверей твоей квартиры. Ты меня непустишь? Я люблю только тебя. Если непустишь, я покончу с собой!.. – Послышались рыдания.

Оба, Катя и Ховрин прыснули, еле сдержав смех.

– Кто там живет? – спросил Ховрин.

– Я не знаю. Раньше вроде жила какая-то бабушка.

Попрощались. Чуть позже Ховрина забрал от Катиного дома сам Данилов.

Сначала поехали за неким Чебышевым. Этот Чебышев жил за КАДом – в Буграх – минут двадцать езды. Машина у него была в ремонте, и он был вроде как уже хорошо подвыпивши, этот Чебышев. Пришлось его оттуда забирать, благо было недалеко. Подъехали к дому. Это был стандартный двухэтажный коттедж, не слишком богатый, но ухоженный, дорожки в саду все расчищены. Снег оставался лежать только в небольшом огороде и на клумбах.

В дом не пошли. Какое-то время Чебышева ждали на крыльце дома, пока тот собирался. Слышно было, как жена его, Надежда Михайловна, что-то ему выговаривала визгливым голосом. Чебышев что-то бубнил в ответ.

Сначала речь шла о какой-то ерунде типа раковина течет уже неделю. Далее пошла традиционная пилка мужика: «Ты по жизни неудачник, я на тебя потратила лучшие годы жизни...» и т.п. Чебышев уже вышел, а Надежда Михайловна все продолжала вопить.

В какой-то момент Чебышев не выдержал:

– Да ты просто жирная сука! – брызгая слюной, заорал он, всунув голову в проем двери.

Елена Михайловна ответила ему что-то в этом же роде визгливо, как бензопила, типа сам козел и к тому же импотент.

– Да на тебя ни у кого не встанет! – завизжал Чебышев, слетая со ступенек с курткой в руке. Оделся он уже на дворе.

Вышли на улицу. Чебышев тяжело дышал, но постепенно краска ярости сошла с его лица.

Данилов представил ему Ховрина.

На удивленный ховринский взгляд, Чебышев пояснил:

– Витя, я женился совсем на другой женщине, и даже не знаю, когда произошла подмена: однажды просыпаюсь, и вдруг рядом – карга! Словно за ночь подменили. Где женщина, которую я любил – неизвестно. Рядом – храпящая злобная глыба жира. Еще и пердит во сне. Знаешь как смердит! Правда, когда сам встал и взглянул в зеркало, то отшатнулся: «Кто этот старый вонючий мудак с пивным брюхом и крохотным членом?»

Лицо у него было бледное, почти серое, а глаза – с налитыми кровью желтыми белками. Под глазами висели мешки, как у сердечного больного. От него густо пахло пивом. Он еле отдышался. Наконец отхаркался, сплюнул, поморщился. Чебышев казался стариком. Не верилось, что он одного возраста с Даниловым.

Сели в машину. Поехали. Видно было, что Чебышеву плохо. Он тонул в депрессии, как в болоте. Отчаянье, словно мутная ледяная вода подбиралось уже к самому его горлу, почти начала заливаться в рот. Давило грудь. Чебышев периодически растирал ее. Трудно было дышать. Он выругался:

– Блядь, не знаю, что и делать. Кто бы убил, только чтобы не больно! На войну, что ли, поехать? Но, блядь, не выдержу: дышалки нету бегать!

Сокрушенно мотнул головой:

– Героинщикам-то что – впиздярил себе в вену большую дозу и сдох под кайфом! С ребятами на боевых как-то обсуждали, что во сне помереть или от пули в голову вовсе не плохо, а вот когда ты ждешь, что тебе будут горло резать или глаза вживую выковыривать, это очень нехорошо. Поэтому лучше гранатой подорваться. Держали про запас. Было в молодости три удовольствия: пожрать, покурить и потрахаться. Теперь – конец: язва, панкреатит, диабет – жесткая диета, короче, пиздец! Прощай, этот мир! Курить тоже нельзя – одышка, давление, стенокардия. А мне всего-то пятьдесят три! Потрахаться – теперь тоже проблема: хер уже не

всегда стоит, да и не очень-то и хочется. Гормоны в крови упали, нахер. Короче, полный пиздец! Пошел тут себе джинсы покупать, сказал, по памяти, старый размер – и не влезаю. Жопа! Брюхо, как у беременной. В гроб ведь не влезу, блядь! Не доживу до пенсии точно. Так на хера я буду в пенсионный фонд платить бабки? Пиздорванцев кормить? Всю жизнь воевал, работал на других, как раб. Пустое дело. И под конец у меня ничего нет. Машина – ведро с гайками, каждый день чего-нибудь отваливается. Жена – жирная сука! Детям я нахер не нужен. Жизнь прошла зря. И все из-за одного дня. – Он помотал головой, как укушенная оводом лошадь. – В жизни любого человека есть ключевые события. Запомни, парень, – обратился он к Ховрину, – если встретил женщину, которую любишь, все – надо за нее держаться. Любовь – это вещь! А похоть – враг человека, смертный грех. Лучший способ борьбы с похотью – рано жениться. Была у меня когда-то давным-давно любимая девочка, надо было жениться на ней сразу после школы. Мы тогда немного поссорились, я что-то там ляпнул не то, возникло непонимание, и она, пока я был в армии, вышла замуж за другого. Когда я вернулся, у нее уже родился ребенок. Офигеть! Как быстро делаются дети! А я ведь всю жизнь ее любил и теперь, может быть, люблю, но сейчас, наверно, даже выебать-то нормально не смогу. Да мы и старые теперь оба. Может она тоже гримзой для кого-то стала. Пиздец! Вот у вас сейчас возраст любви, Вы ходите на дискотеки, знакомитесь, ищите себе пару. Спариваетесь, пробуете и, наконец, находите, если везет, любовь и близкого человека на долгие годы. И в наше время так было. Но иногда получается спонтанно: случайный трах, неожиданное зачатие, потом женитьба и все летит прахом – к черту!..

Помолчал, спросил Данилова:

- Серега, не знаешь, в каких странах разрешена эфтаназия?
- Вроде как в Швейцарии, а ты что – уже созрел?
- Так, мало ли, – буркнул Чебышев. – Интересно, сколько это может стоить?
- Думаю, недешево. Впрочем, зачем потом деньги?
- Тоже верно.

По КАДу довольно скоро приехали в небольшой загородный ресторанчик, называвшийся что-то типа «Русская рыбалка». Посетителей, кроме них, не было вообще никого. Стол уже был накрыт. Заправляла всем улыбчивая Карина, черноволосая женщина лет пятидесяти, бывшая тут за хозяйку или управляющую. Данилов попросил ее еще и кальян для себя. Единственный официант, расставив блюда, сразу ушел, чтобы не мешать разговору. Больше его и не видели. Осталась только Карина, она и обслуживала гостей. Чебышев все время продолжал что-то бормотать себе под нос.

– Это у тебя, Андрюха, просто банальная депрессия. Полмира ею страдает, кому нехуй делать! Пей антидепрессанты, – подал голос Данилов, видать, давно привыкший к этому нытью Чебышева.

– Пробовал таблетки – не помогают – только еще хуже! Изжога от них.

– Другого предложить не могу. Только водка! – Данилов кивнул на бутылку, стоящую на столе.

Данилов тут же воспрял:

– Наливай тогда! Надо выпить, снять стресс, а то действительно хер не встанет! – прошамкал он, заглатывая бутерброд с колбасой огромными кусками, почти не жуя. Потом снова налил в рюмку водки до краев и тут же одним махом выпил, стиснул зубы и прикрыл глаза. – Кайф!

Помотал головой, сказал:

– Я вот чего думаю: может, пора и сдохнуть?

– Ну, сдохнешь, и кто к тебе на похороны придет? – ухмыльнулся Данилов. – На похоронах Сталина, хоть и был он злодей, набилось море народу, еще и кучу затоптали; аятоллу Хомейни хоронили одиннадцать миллионов человек!

– Ну, ко мне придут разве что от силы человек десять. А то и меньше, –равнодушно пробормотал Чебышев, явно задремывая. – Да и насрать!

– Я-то уж точно приду, – хмыкнул Данилов. – Все, тормозим пустой базар. Давайте к делу!

«К делу», однако, не получилось, Чебышев вдруг проснулся и сказал:

– И вот что я теперь скажу по истечении многих лет: ей, той девочке, очень повезло, что она не вышла за меня замуж. Я оказался по жизни пустым, никчемным и очень скучным человеком! Она бы умерла со мною со скуки! – Он сделал паузу, потом начал по одному загибать пальцы. – Я ненавижу футбол и всякую спортивную херню, меня утомляют всякие шумные компании, в ночных клубах я скучаю, от вина меня сразу клонит в сон. Я засираю квартиру, не люблю мыть посуду, убираться, душ принимаю только утром и ненавижу прибивать злосчастные полочки. Я никогда много не зарабатывал, не сделал карьеры. Жена считает, что я полный и окончательный придурок и неудачник по жизни. Вероятно, она права.

Он откинулся в кресле, и без того бледное, несмотря на выпитое, лицо его стало еще бледнее. Стало четче видно отросшую за день щетину – она превратилась в настоящий газон. Глаза его светились неземным светом и имели бездонную глубину. Он напоминал запойного пьяницу, которому обещали налить, но еще так и не налили.

– Не слишком-то приbedняйся, Андрюха: ты в жизни никогда не голодал, и всяких приключений у тебя было – дай, точнее – не дай Бог всякому, у тебя есть хороший дом, нормальная машина – зря ее ругаешь – обидится, ты всегда отдыхаешь за границей – минимум два раза в год, грех тебе жаловаться, и военная пенсия уже есть, – с голоду не помрешь, – пожурил его Данилов.

Чебышев с ним не согласился:

– Херня! Это вовсе не признак успеха и богатства. Богатство это накопления, капитал, как у Гарцева. А у меня никаких накоплений нет. Я постоянно чувствую себя бедным. За границей всегда ищу, где подешевле.

– Но с голоду ведь всяко не помрешь!

Чебышев пробурчал что-то невнятное.

Данилов важно надул щеки:

– И все потому что ты свои акции сразу продал и пропил, а я нет и вот теперь – миноритарный акционер «Сургутнефтегаза», частично этим и живу. Вот и на Гарцева Владимира Петровича еще работаю. И платит Владимир Петрович очень хорошо. Гораздо больше, чем «Сургутнефтегаз». Ну и военная пенсия, конечно, копится. Я ее вообще не снимаю. Пускай себе лежит. Если немного добавить, раз в год можно съездить отдохнуть в приличное место...

Тут они чокнулись и выпили еще водки.

Потом Данилов спросил:

– Андрюха, тут вчера один по телеку докапывался: морально ли убивать человека хоть даже и на войне? Почему, мол, на войне можно, а в обычной жизни нельзя? Какая тут принципиальная разница?

Чебышев от этого вопроса отмахнулся:

– Херня. Слышал я про эту дилемму. Таких много. Типа разведгруппа идет через лес на вражеской территории и натывается на пастушка, который, если его отпустить, непременно их сдаст, и нельзя связать его и оставить в лесу, потому что тогда его съедят волки (волки там непременно водятся) и решается вопрос: убить его или оставить живым. Что ты думаешь по этому поводу, Витя? – обратился он к Ховрину.

Ховрин только пожал плечами. Ни о чем подобном он не слышал и тем более не думал. Тогда Чебышев продолжил:

– Этот классический баян про пастушка кочует из книги в книгу, из фильма в фильм. Конечно же, в представлении обывателя это непременно нестеровский невинный пастушок –

мечта педофила. Единая слезинка невинно замученного ребенка и весь мир. Полная херня! Кто был на войне, тот поймет. Таких психологических приколов много: типа, тонет двое, и кого ты спасешь, если можно спасти только одного – и тут разные варианты: например, забулдыгу-слесаря или гениального художника. По мне так пусть оба тонут! Но вот другой вариант: ребенка или гениального художника уже не так прост. Мать или отца тоже. Но в жизни так не бывает: спасают, кого придется.

– Страшно жить! – вздохнула Карина, вставая с дивана. – Но, однако, ребятки, пойду-ка я чайник поставлю! И заварю покрепче.

Минут через десять она внесла в комнату огромный фарфоровый чайник, потом и поднос с закусками: нарезанная колбаса, сыр, печенье. Стала разливать чай по чашкам.

Чебышев вдруг спросил ее, откровенно разглядывая обширные бедра:

– Замуж снова не вышла, Карина?

– Знаешь, я живу одна, мне и так хорошо! Просто чудесно, – ответила Карина. – Время новых отношений для меня уже прошло.

Чебышев с хлюпаньем всосал чай, сказал:

– Да, время – наш враг. Был я тут у одного друга на юбилее. Пятьдесят лет. Полтаха. Гульба, пьянка, дым коромыслом. Ружье подарили. Сижу и думаю: и чего он, дурак, радуется? Это – страшная дата! Означает, что могила уже разверзлась, оттуда смердит. Хотя, может, просто празднует, что дожил до таких лет? Некоторые ведь не дожили.

– Ты и этому ужасаешься? – с удивлением спросил Данилов.

– Я ужасаюсь уже давно. Даже привык. Я постоянно живу в ужасе. Лет двадцать уже.

– В церковь сходи. Покайся. Причастись. Может, полегчает. Обретешь смысл.

Чебышев задумался. Пожамкал губами, сказал после долгой паузы:

– Я даже не знаю, для чего живу. Я словно растение какое-то... Жизнь протекает, как песок, сквозь пальцы. Ужас состоит в том, что я сам прожигаю свою жизнь. Помнится, как-то по молодости на юге, в Сочи, мы играли в покер целыми ночами напролет практически весь отпуск. Это тогда казалось интересным и важным. А оказалось, что это пустая трата времени и денег. И те дни уже не вернуть. Нет, какие-то деньги я тогда выиграл, но потом все их и еще больше проиграл. Но сидеть и часами пялиться в какие-то дурацкие карты, черви, пики, в табачном чаду, всю ночь, с шулерами и профессионалами – какая-то чушь и дрянь. Имитация жизни. Что в жизни настоящее, а что нет? Большую часть нашей жизни составляют эмоциональные иллюзии, это как пищевые добавки в пище. Искусство – это, по сути, симулятор эмоций, тоже иллюзия настоящей жизни. Все вокруг в основном суррогат! Настоящее это как крупинки золота в песке – единичные блески.

Налил в рюмку водки. Выпив, поморщился, втянул с шумом носом. Заходили желваки. Вытерпел горечь, выдохнул, потом расслабился, улыбнулся:

– Хороша! По сути, ведь чистая химия, а как действует!

После этого закусил маленьким соленым грибочком.

– Ням-ням. Хотя и это тоже суррогат.

Выпив еще и с хрустом откусив уже от огурца, Чебышев даже хрюкнул от удовольствия:

– Это рай!

Его, похоже, отпустило. Потом спросил, наливая снова:

– Вить, у вас в школе были романы молодых учительниц с учениками?

– У нас учителя почти все старые, уже пенсионеры по возрасту, – ответил Ховрин. – Одноклассник один с лаборанткой шуры-муры делал, запирались там у нее, в подсобке после уроков, трахались, но ей было уже восемнадцать. Была у нас в классе еще одна парочка, точнее четверочка: двое парней и две девушки. У них была своя тайна. Они собирались у кого-нибудь из них на квартире и занимались там своими делами, о которых не распространялись. Говорят,

все полностью раздевались и делали что-то вроде римских оргий. Типа все трахаются со всеми. Многие им завидовали.

– И ты?

– И я. Это же прикольно.

– Прикольно, – протянул Чебышев. В его голосе тоже чувствовалась зависть. – Хорошо быть молодым... Будь я снова молодой, я бы женился на хорошей девушке и был бы счастлив... Хотя бы какое-то время. Завидую я тебе, Витя, все у тебя впереди. У меня когда-то тоже была любимая девушка.

– А что потом случилось? – спросил его Ховрин.

– С кем?

– С той девушкой?

– Что и всегда бывает: я ее разлюбил. Почти три года любил, а потом вдруг взял да и разлюбил. Что тут можно сделать? «Любовь живет три года» – слышал такое? А другая потом меня разлюбила. Так однажды и сказала: «Я тебя больше не люблю». Довольно неприятно было это услышать. Читал тут недавно про одно исследование, где показано, что женщине секс с одним партнером прискучивает примерно через год и далее становится неинтересным. Так уж сделан мир. Физиология. И ничего тут не поделаешь. Но все равно важно, чтобы тебя обязательно кто-нибудь любил... Наверное так бывает. – Он сделал паузу, пожевал губами, потом добавил: – Но не в моей жизни...

Он был уже довольно сильно пьян, раскраснелся, размяк.

Карина между тем принесла Данилову кальян с уже разожженными углями. Данилов тут же к нему и присосался. Булькал, очень довольный, пускал дым колечками и по-всякому.

Потом Чебышев надолго ушел в туалет, а Данилов, покашливая от дыма, пояснил Ховрину:

– У него недавно был сердечный приступ. Стенокардия. Стент в сердце поставили. Это типа пружинки от шариковой ручки – расширяет сосуд. И все равно бухает. Я ему говорю, что надо себя беречь – не молодой уже. Он же утверждает, что важно вовремя сдохнуть. Ты сам слышал.

Он еще побулькал кальяном, выдул дым толстой струей, закашлялся.

– Надо и мне с кальяном завязывать.

Потом вернулся Чебышев, подсел к Данилову. О чем еще разговаривали ветераны, Ховрин не слышал – сидел от них через стол. О каких серьезных делах можно было говорить в таком состоянии? А вообще-то Ховрина очень интересовала роль Чебышева: чем может быть полезен этот одышливый и злобный старикан, похожий на полоумного профессора-математика?

Час спустя Ховрин отвез сначала уже совершенно в стельку пьяного Чебышева, а потом и подвыпившего Данилова по домам. Машину запарковал во дворе у Данилова. Там у него было свое место, запираемое специальным берьером. Данилов вышел открывать, так еле-еле отомкнул, долго в нем ковырялся ключом.

– Почему вы с ним носитесь? – спросил Ховрин в некотором раздражении, потому что именно он затаскивал тяжелого Чебышева на крыльцо, а затем в прихожую и там оставил лежать на полу, и все еще оставался в недоумении.

– Это можно понять, только побывав на войне. Мы – одна команда до конца нашей жизни, я ему верю, как самому себе. Некоторых наших уже нет, и с ними ушла часть меня... – Голос Данилова дрогнул, его чуть не слеза пробила с пьяну-то.

Потом Данилов пожал Ховрину руку и бодро, почти не качаясь, пошел к подъезду. Ховрин же своим ходом на метро поехал домой. Еле-еле успел на последний поезд. Уснул еще раньше, чем голова коснулась подушки.

Проснулся он поздно. Из дома вышел в одиннадцать. Утро было ясное и холодное. За ночь лужи замерзли и весело хрустели под ногами. Какая-то птичка что-то пиликала на дереве, словно на скрипочке с одной струной.

После этих вчерашних разговоров с Даниловым Ховрину трудно было понять суть происходящих вокруг него событий, и он решил обратиться к Геббельсу. Типа знакомому компьютерному гению. Геббельс это было прозвище. Он был невысокий, худой, сутулый, но с большой головой и, понятно, в очках. Предварительно позвонил ему, что нужна кое-какая информация.

– А-а, Витек, конечно, заходи! – ответил тот без особого энтузиазма.

Через полчаса Ховрин уже звонил в дверь его квартиры.

– Проходи, снимай ботинки, – сказал Геббельс, пожимая Ховрину руку. Сам он был босиком. Вид у него был заспанный, несмотря на полдень.

В каждой квартире есть своя особенная вонь. Хозяева ее не замечают, но гости очень четко чувствуют. В квартире Геббельса тоже стоял какой-то свой, присущий только ей запах. Эту квартиру населяли большей частью электронные жители.

– Сейчас приду! – сказал Геббельс, впустив Ховрина, и куда-то исчез.

– Сволочь! Гад! Говнюк сраный! – донеслось из комнаты. Ховрин, сняв ботинки в прихожей, заглянул туда.

Там метался злющий-презлющий Геббельс.

– Знакомся: Хьюлетт-паккард-хрен пиздюхин – главный из серии самые говенные принтеры мира – не печатает, сволочь, ни в какую, сука! Угроздило вчера купить, теперь мучаюсь. Он меня ненавидит, а я его.

Геббельс воспринимал вещи как живые существа. Компьютер ему весело подмигивал, жужжал; принтер, по какой-то причине бастовал, кашлял, а модем угрюмо смотрел, помаргивая, развесив рожки-антенны – он явно был не в духе.

В этой комнате уж точно не убирались, наверное, не меньше года. Все было завалено какими-то бумажками. На полу, как перекасти-поле, клубилась, мотаемая сквозняком пыль. Это контрастировало с порядком и чистотой во всей другой части квартиры.

Ховрин подошел к окну, выходящему во двор. Погода за окном была ветреная. Черные голые ветки берез за окном беззвучными метлами мотались из стороны в сторону. Черно-белый мир зимы. Туш и ватман.

– Что у тебя? – спросил Геббельс.

– Ты умеешь взламывать пароли?

– Далеко не все пароли можно взломать. Не дураки их делают, – осторожно ответил Геббельс.

– Ты же хакер! Чего тебе стоит?

– Ты в этом деле ни хера не понимаешь! Это не так просто, как кажется. Если имеется рабочий компьютер и он в локальной сети, пароль обычно где-то записан на стене или на листочке, потому что его постоянно заставляют менять. Поэтому он часто не индивидуален, а стандартен типа useruser1, и меняется только последняя цифра. Обычно в таких случаях никто не изощрается. Да и то, думаю, пришлось бы повозиться. В других случаях нужны специальные программы. – Геббельс был осторожен.

Ховрин, однако, напирал:

– Стандартный хакер обычно жирный и вонючий, потому что он сидит целый день за компьютером и жрет – даже срать не выходит – гадит тут же в ведро, а не такой дрищ, как ты. Может, тебе просто лень к холодильнику подойти за жратвой? Или у тебя глисты? Хотя вонь какая-то все же есть, – поводит он носом.

– Это у меня конституция такая, – отмахнулся Геббельс, совершенно не обидевшись. – Не все так просто. Я, например, могу взламывать программное обеспечение, защиту от копирайта, входы на некоторые сайты, социальные сети, распространять спам, красть пароли. Это

самое надежное: спереть пароль и уже по нему заходить в сеть. А взломать сайт госконторы типа Пентагона или какого-нибудь банка даже и пытаться не буду. Ты думаешь – раз кредитка взломана, то качай по ней денюжки? Номера кредиток легче украсть, чем ими воспользоваться. Что ты хочешь-то?

– Можешь нарыть для меня кое-какую информацию? Первое: кто такой Гишинский? – Имени-отчества не запомнил. – Он что-то типа олигарха или бизнесмена. Сделай мне такую сводку. Нужна самая подробная и детальная информация насколько это возможно. Сам я ничего по нему не нашел. И второе: кто такой Гарцев Владимир Николаевич? Оба они бизнесмены. У них что-то типа войны. Гарцев Владимир Петрович это родной отец девчонки, с которой я работаю – Катя ее зовут. Я в Гугле про него смотрел, но там тоже почти ничего нет. Пару раз упоминается и все. Краткая биографическая справка. Мне нужно узнать, в чем у них там конфликт и что это за люди по жизни. Это третье.

– Это займет некоторое время, – сказал Гебельс, записывая имена.

– Я тебе заплачу.

– А денег-то хватит? – сыронизировал Гебельс, взглянув на рваные ховринские носки.

– Сколько надо?

– Будет стоить тебе три тысячи. Это со скидкой.

– Сколько-сколько? – прищурился Ховрин.

– Три. Ну, две хотя бы.

– Ладно. Говорю ж: я в Гугле смотрел – там вообще нет ничего, – развел руками Ховрин.

– В сети есть все – нужно только уметь искать, – туманно ответил Гебельс. – Так что?

– Сейчас у меня таких денег нет.

– Тогда предлагаю бартер. Я нахожу тебе информация, а ты для меня кое-что сделаешь.

– Ну, это пожалуйста!

А дело было такое. Каждое утро во дворе сосед Гебельса по дому, вроде бы Алик, грел свою машину. Машина выла и мешала Гебельсу спать. Он, как прирожденная сова, ложился очень поздно, под утро. Любил посидеть за компом ночью. В это время как раз и была самая сетевая тусовка. А тут утром, причем ровно в семь – рев – сосед греет машину. Кричали ему и в окно, а тому пофиг – напрямую послал. Человек был самый, что ни на есть, говнистый, задиристый. Гебельс с ним связываться лично опасался: имелся высокий риск получить по мордасам, потом ведь еще и встречаться придется, а то и в одном лифте ехать. Поговорить с соседом должен был Ховрин – человек сторонний, хотя и слишком молодой, что непременно спровоцирует конфликт, но вдруг и обойдется.

– Заводить его не надо – он сам заведется с пол оборота, – предупредил Гебельс. – Еще та сволочь! Разговаривает, как рычит.

– И что дальше?

– По ситуации. Просто вежливо попроси, чтобы он не гонял движок рано утром, когда многие люди еще спят. Он греет ее всегда минимум минут пять, потом, выезжая, обязательно сигналил на весь двор своим дебильным сигналом. Видно своей телке знак подает. Хорошо б хотя бы не сигналил! Сигнал меня раздражает ужасно.

– Это во сколько?

– Ровно в семь утра. Представь себе: каждый будний день ровно в семь. Хоть спи в наушниках. Целый год, считай.

– Чего ж терпишь?

– Я и не терплю. Я ж с тобой разговариваю. Всех дел: поговорил и ушел.

Еще Гебельс по ходу заметил:

– Он, я думаю, и в жизни такой. Наверняка любит нажраться на ночь, пердануть оглушительно, рыгнуть после пива, пошататься по квартире без трусов, всюду совать свой член, чесать в паху. Не исключено, что его телка делится со своей близкой подружкой глубоко личным,

типа: «Мой Алик любит секс в ванной, и еще когда нагнушь что-нибудь стирать, он тут же, как собачка, пристроится сзади, а еще он уговаривает меня, чтобы разрешила пописать мне в рот. Я пока что отказываюсь, но, наверно, сдамся».

Ховрин, пивший чай, поперхнулся.

На следующий день, в среду, не получилось – было у Ховрина одно дело. Договорились на четверг.

– Ты мне позвони, когда начнешь! – попросил Геббельс.

– Так спать же будешь!

– Я хочу посмотреть! Для меня это важно.

– Поставь будильник!

Выходя, Ховрин даже почувствовал некоторую тревогу и любопытство. Представлялся ему какой-то монстр, а не сосед.

Подошел к дому Геббельса в четверг без двадцати семь. Было прохладное ясное утро, Ховрин зевал и ежился. По небу с грохотом протащился самолет. В ближнем кусте воробьи устроили кипеш.

Машина была большая – седан БМВ, солидная, но далеко не новая, да еще и с идиотской наклейкой на заднем стекле в виде совокупляющихся символов, означавшей «Держи дистанцию!». Сзади – сильно тонированные стекла. Это много говорит о владельце: не слишком богатый, но с большими амбициями, типа «Это Я, пуп Земли, еду!», – новую купить не может, а выпендриться хочется.

Долго ждать не пришлось – подошел хозяин машины. Тут было не ошибиться, уже когда он еще только появился во дворе. Жирный злобный тип на ходу дымил сигаретой, не вынимая ее изо рта. Шел в развалку. Пропищала сигнализация, мигнули фары. На вид ему было лет тридцать-тридцать пять. Пока машина редела, хозяин попрыскал на лобовое и боковые стекла стеклоочистителем. Протирал их, так и не вынимая сигареты. Ховрин посмотрел на окно Геббельса: увидел пятно лица, блеснули очки. Тощий хакер не спал, пялился на двор.

Ховрин подошел с черным пакетом для мусора, будто бы относил на помойку. Остановился, как бы вспомнив что-то, подошел, сказал:

– Доброе утро!

Тип перестал протирать стекло, замер, как бык, когда на арену, наконец, вышел матадор с красной тряпкой.

– Чего надо? – пробурчал он.

– Маленькая просьба: вы не могли бы не парковаться на газоне и долго не держать машину заведенной, не греть ее здесь и не сигналить утром на выезде, а то это мешает спать моей маме, – выпалил Ховрин, не переводя дыхания.

Жиртрест воспринял эту информацию так, словно его прилюдно обозвали матерно и вообще тяжело оскорбили. Он даже присмотрелся к Ховрину, прищурился: что же за тля такая что-то пропищала.

– Я не понял, тебе чего надо, парень?

Оказалось, тля имела голос:

– Я же сказал, – продолжал улыбаться Ховрин. – Можно машину не парковать на газоне и не сигналить?

– А пошел-ка ты, дружок, нахуй! – проскрипел тип. Он тоже бросил взгляд на окна.

Не исключено, что и его подруга наблюдала. Может быть, у них с ней был такой ритуал. Впрочем, может, просто смотрела, зевала и думала: «Когда же, наконец, ты свалишь, жирная свинья!», чтобы снова завалиться в теплую постельку – досыпать. Хотя не исключено, что подруга его наверняка была такая же хамская свинка и уже дрыхла дальше. Пиво в холодильнике непременно должно было присутствовать у них постоянно. Однажды Ховрин видел подобную парочку в супермаркете. Они стояли перед ним в кассе. Их тележка была набита

едой с верхом. Чего там только не было! Этот тоже был из тех. Взывать к его совести было то же самое, как взывать к совести клопа, чтобы тот не кусался.

Сценариев у Ховрина было несколько. Первый – напирать на закон, что машины на газоне парковать нельзя, греть нельзя и бибикать просто так тоже нельзя (по поводу последних пунктов Ховрин сомневался, действительно ли есть ли такие постановления, но вполне могли быть), второй вариант – давить на жалость, типа, мама больная, она просыпается каждый раз и все такое. Тут минимальный шанс был, если в этом типе оставалось хоть что-то человеческое, хотя и мог поступить классический ответ: «Да я твою маму...», что привело бы к неизбежному физическому столкновению, потому что сказать это все равно, что плюнуть человеку в лицо. Третий вариант, пожалуй, был более действенный: сказать, что, мол, еще будешь так делать – раздолбаю нахер лобовое стекло. Что он – охрану к машине приставит? Проше стоять тихо и уезжать без шума. Машина во дворе ведь беззащитна от неведомого противника. Решение этой проблемы стоит лишь в немедленном задержании угрожающего, выяснения его личности, выдавания ему пиздюлей и так далее. Это все вытекало из, вобщем-то, пустякового дельца. Еще был официальный вариант: самому Геббельсу сходить к участковому, как-то заинтересовать его, чтобы он подошел и поговорил с этим шумелкиным. Только участковый, скорее всего, пошлет Геббельса подальше, мол, у меня своих дел до чертиков. И как его заинтересовать? Сколько ему дать? Есть какая-то такса? Из-за двух тысяч он жопу не поднимет точно. И еще: в этом случае он, Ховрин, не получал ничего.

Он смотрел с интересом на быка – что тот будет делать дальше. Из интереса добавил топлива во взрывную камеру, выхаркнув:

– Сам бы туда и шел, мудака!

Бычара рванулся к нему. Но тут же резко и затормозил: как собака тормозит перед кошкой, которая отчего-то вдруг не убегает. Жиртрест внезапно понял, что перед ним стоит наемник – жестокий и хладнокровный, от которого запросто можно огрести по полной. А Ховрин в это время вдруг вспомнил про «пописать в рот» и ухмыльнулся. Если бы тот напал, Ховрин ударил бы его в правое колено, сломал бы сустав. Один удар, и дело сделано: месяц толстяк будет ковылять на костыликах или лежать в гипсе, ездить точно не сможет. К изумлению Ховрина «вроде бы Алик» вдруг опустил глаза и буркнул:

– Да не вопрос, братан, сделаем!

Сел в машину, сильно хлопнул дверцей, вдарил по газам, и вылетел со двора без каждодневного заливистого сигнала. Подруга, наверно, была разочарована и, может быть, напугана. Ритуал нарушен.

Тем же вечером Ховрин получил от хакера целое досье на Гилинского, распечатанное на том самом враждебном Геббельсу принтере, с черными вертикальными грязными полосами вдоль страниц, но вполне читабельное. Информацию Геббельс находить умел. На Гарцева папка была поскромнее. На обоих было указано место рождения, где учились, чем занимались, чем владеют, активы, но личной информации было очень мало.

Ховрин вспомнил, что существует целая международная организация хакеров, взламывающая сайты правительственных и политических организаций. Они передавали ультиматумы измененным механическим голосом.

– Есть такая организация? – спросил он Геббельса, перелистывая страницы. – Или пиздеж?

Геббельс на это ничего не ответил. Перевел разговор на другую тему. Осталось ощущение, что он все-таки что-то по этому поводу знал. Сказал, что легче всего взламывать чужую почту, странички, например, «В контакте», других социальных сетях. Они наиболее уязвимы. Через них можно получить о людях довольно детальную личную информацию.

Гилинский, однако, своей странички ни в «Facebook», ни «В контакте» не имел. – Звали его Александр Борисович. Насколько он был богат – неизвестно, но про его компаньона некоторая информация имелась.

– Вот он! – Геббельс ткнул пальцем еще в одного типа с бокалом вина в руке, чему-то смеявшемуся. – Некто Альтшуллер Семен Евсеевич, совладелец фонда, член совета директоров холдинга, входит в русскую сотню богачей по версии Форбс. Его состояние оценивается в полтора миллиарда долларов. Понятно, что это не целая комната наличных денег, а доля в разных предприятиях, стоимость акций, активы, недвижимость и все такое. Думаю, Гилинский тоже достаточно богат. И у него есть и прозвище в бизнессреде – Гиля. Довольно мило. А близкие называют его просто Шурик.

– И где этот Гиля живет? – спросил Ховрин.

– Вообще-то он москвич с семнадцати лет, как поступил в Московский финансовый институт, хотя сам родом из Черновцов – это западная Украина – кстати, говорят, очень красивый город, по крайней мере, был когда-то – когда входил в состав Австро-Венгрии – имеет большую квартиру в центре города и загородный дом в элитном поселке Жуковка, где в общем-то и живет постоянно, но в настоящее время он находится почти сразу за Всеволожском – в своем особняке. Это его питерская резиденция. Вот координаты. Территория имения довольно большая – думаю, по карте Гугл, гектара два, не меньше. Там у него на даче живет здоровенный попугаище, типа амазон, по кличке Серолет – это потому что он летит и срет на всех сверху. Та еще сволочь! Ко всему у него дурная манера – сесть на голову и вцепиться в волосы когтями и орать истошно. Живет свободно и не улетает. Вся охрана мечтает, чтобы он куда-нибудь свалил или чтобы собаки ухватили – куда там! Гилинский же его обожает.

– Откуда все это известно? – изумился таким деталям Ховрин.

– У самого Гилинского стараничек в социальных сетях, как я уже говорил, нет – не его уровень. А вот у его ближнего окружения – есть. Существует еще такая Полина Левина, двадцать пять лет. Модель. Офигенно красивая. Вероятно, любовница. Живут вместе, и сюда приехала с ним из Москвы. У этой Полины есть страничка и «В контакте» и в «Инстаграме», куда она каждый день выкладывает фотки про свою жизнь. Фото Гилинского, впрочем, там нет – видимо, запретил. И еще есть несколько человек, которые в друзьях у Полины. И еще там у них есть ручная сорока по прозвищу Чика, очень склочная и с вредным характером птица. Она с попугаем в контрах. Однажды она украла у Полины золотую сережку.

– Он официально женат? Дети есть? – поинтересовался Ховрин.

– Точной информации по этому поводу в сети нет, будто ее специально зачистили. Но, судя по всему, есть законная жена, двое детей – мальчик и девочка. Я поискал и нашел в «Фэйсбуке» страничку его сына Миши – ему тринадцать лет, рыжий, живет в Майами-Бич, пишет в основном про музыку, подростковые события. Но ни одной фотографии папаши там у него нет. И тут маскировка. Но некоторые фотографии все же получить удалось: с общего праздника – дня рождения Миши и еще с корпоративного собрания уже с одной из страничек компании «АСТ» от декабря прошлого года.

Гилинский оказался довольно представительным мужчиной лет сорока пяти, совершенно без седины, худощавый. Даже на фотографии взгляд его был пугающе пронзителен. Он напоминал хищную птицу в засаде.

– Жена и дети живут в Америке, что и правильно. Америка для богатых хорошо приспособлена. А Россия – нет, приходится создавать для них что-то вроде гетто, вроде той же Жуковки или Рублевки с высокими заборами. А Гилинский, я так понял, живет с Полиной. А с кем живет его законная жена – неизвестно, может, она вообще лесбиянка и ей в принципе пофиг, с кем живет муж, лишь бы денег давал.

Он взял со стола лист бумаги:

– Еще пишут, что Гишинский обожает одну цитату из некоего Лабрюэля, я ее скачал: «Богатству моему не стоит завидовать: я приобрел его такой ценой, которая вам не по карману. Пожертвовал ради него покоем, здоровьем, честью и совестью». По нынешним временам это вовсе не преступление. Честь и совесть понятия суть религиозные, что-то в них есть средневековое, когда рыцарь торжественно обещал не спать с женой своего господина, да и то наверняка регулярно сие правило нарушал. Еще он любит шахматы и считает, что жизнь это шахматная партия. И тут читал «Убийство на улице Морг» Эдгара По, – и зачитал: – «Между тем рассчитывать, вычислять – само по себе не значит анализировать. Шахматист, например, рассчитывает, но отнюдь не анализирует. А отсюда следует, что представление о шахматах как об игре, исключительно полезной для ума, основано на чистейшем недоразумении».

Он сделал паузу, потом продолжил:

– Теперь о родном папаше твоей подопечной Кати Гарцевой – кстати, и у нее тоже есть своя страничка «В контакте». Не смотрел? Там про него вообще ничего нет. О нем известно несколько меньше, чем о Гишинском, но кое-что тоже имеется... И опять ощущение, что информацию о нем тоже специально зачищали. Однако...

Геббельс сам был доволен своим мастерством:

– Любая информация в наше время неизбежно находится в электронном виде, утверждал он. – Никто уже давно не печатает на пишущих машинках, хотя они еще существуют на периферии и для печати особо секретных документов. В реальной жизни любой текст набивается в компьютере и лишь потом распечатывается. Копии в том или ином виде обычно остаются, – редко, кто их стирает, – мало ли пригодится. Компьютер обычно находится в сети и поэтому до него, а также и до всего, что находится внутри на жестком диске, можно тем или иным способом добраться...

Ховрин вдруг ухмыльнулся:

– Тут вспомнил: моя тетя Галя не любит ездить за грибами под Всеволожск. И знаешь почему? Дело в том, что когда она в девяностые работала следователем, то ездила туда частенько, поскольку там постоянно в лесу находили трупы: видимо вывозили из Питера и закапывали или просто бросали в лесу. Особенно весной – «подснежники». Так в чем между ними конфликт? Я пока не понял. Чего им делить-то?

Геббельс задумался, потом сказал:

– Очень вероятно, что быются они сейчас за завод СВЗ. Короче, за бабки. Контрольный пакет акций завода находится у Гарцева, там еще участвуют какие-то немцы, но это чисто для прикрытия, чтобы наши госорганы не особо наезжали. Этот пакет у него пытаются отжать. Дело распространенное. Существуют специальные механизмы рейдерского захвата. Несколько лет назад на Гарцева пытались завести уголовное дело, типа вспомнили какой-то эпизод, где он якобы задержал человека, который украл у него из магазина коробку мобильных телефонов. Это было еще в девяностых, а тут вдруг всплыло. Поэтому он выехал из страны и в настоящее время живет в Лондоне, у него, кроме России, несколько зарегистрированных компаний в оффшорах, типа в Андорре и на Бермудах, и на Кипре, хотя это теперь вроде уже и не оффшор...

Не густо, но все же хоть что-то.

А в питерской резиденции Гишинского под Всеволожском в это самое время шло совещание. Присутствовали: сам Гишинский, одетый по-домашнему – в свободных серых брюках «Аидас» и в толстовке; Гена, человек для особых поручений, напротив, был в темном костюме, белой рубашке с галстуком, но в каких-то дешевых банных тапочках, которые выдавались при входе всем посетителям дома, дабы они не разносили грязь. От этого он чувствовал себя несколько некомфортно. Еще был Крещук, администратор по Питеру, человек неопределенного возраста, слегка сутулый, с длинными руками и повадками напоминающий краба.

Попугай Серолет по причине зимы сидел в большой клетке у окна и трещал оттуда своим клювом. Ждали Хрусталева, начальника службы безопасности компании из Москвы, но он по каким-то причинам задерживался на полчаса.

Гилинский показал Гене только что распечатанную на цветном принтере фотографию Кати, снятую на улице, где она шла рядом с Ховриным.

– Это – Катя, дочка известного вам Владимира Николаевича Гарцева. Красавица, не правда ли? Можешь ее спросить об одном деле? Не сомневаюсь, что она тут же все расскажет. Переписал ли на нее отец контрольный пакет СВЗ или нет. Просто: да или нет? И далее мы уже будем решать, что делать.

Выступил Крешечук:

– Как вы себе это представляете, Александр Борисович? Она всегда ходит вдвоем с этим парнем. – Он ткнул на фотку. – Мы уже неделю смотрим за ней, она никогда не бывает одна. К ней просто так не подойти. Уже пытались. Тихо не получится.

– А кто это с ней?

– Короче, ходит с ней этот самый парнишка – бойфренд хренов, как прилипший. По виду – чистый придурок. Куда она, туда и он. Дел своих у него своих, что ли, нет? Я в его годы уже работал с утра до вечера.

Гилинский нахмурился:

– Так уберите парня. Понятно, не при ней. Заранее. С ним или без него она все равно должна будет ходить в школу. Дайте ему по башке, положите в больничку хоть на недельку. Нам этой недельки хватит за уши. Заранее подловите его где-нибудь и сломайте ему руку или ногу – вот и решение. Мне вас учить?

– Ладно, – буркнул Гена. – Его еще, блин, поймать надо.

– Уж постарайтесь!

– Понял. Сделаю.

В какой-то момент в гостиную, шурша вечерним платьем, влетела Поля. В туфлях на каблучках она была выше Гилинского на полголовы. Она куда-то явно спешила.

Гилинский показал ей на часы:

– Киса! Весь центр забит. Лучше поедь на метро – двадцать минут и ты на месте.

Поля, однако, колебалась:

– Шурик, я в метро не ездила лет десять! Говорят, там страшно, могут испачкать одежду. Одной студентке порезали шубу. Говорят, защитники животных, а я думаю, что от зависти. Всем хочется иметь легкую и теплую шубу.

У самого Гилинского, хотя он разве что самое большее метров двадцать проходил от машины до дома или до офиса, была для зимы шуба чуть не до пят – сидеть в ней было действительно очень приятно: уютно и не жарко. Любил он эту свою шубу.

– Надень пальто – в метро не холодно.

– Блин, не смешно! – надулась Поля.

– Не тормози: времени впритык! – поторопил ее Гилинский, снова взглянув на часы, стоявшие на камине. – Сергей тебя добросит до метро. Иначе – не успеешь. А после спектакля он тебя заберет у театра. Как раз и доедет.

Поля ушла, весьма недовольная.

Гилинский продолжил:

– Я что думаю. Может, проще ментам позвонить? Они знают, как такие дела надо делать: остановят его, найдут наркотики и понеслась. Парня пакуют, и он на какое-то время исчезает из поля зрения. Старый проверенный способ! Чего изощряться? И главное – все почти законно! Позвони Макарову, договорись с ним, – кивнул он Крешечуку. – Думаю, он это дело организует.

– Лучше не надо Макарова. Каждая собака знает, что Макаров – продажная сволочь! В том числе и его начальство. Его могут пасти! – замахал руками Крещук.

– Кто? – удивился Гишинский. – У него Сам в близких приятелях – вместе ездят на охоту – рыбалку, бухают, ходят в баню, блядей там тискают. От одной однажды одновременно и триппер подхватили.

– Откуда знаете? – удивился Крещук. Это была действительная правда, но известная крайне небольшому числу людей.

– Оттуда. Сам рассказывал. Пусть поработает. Тут дело серьезное.

– Понятно.

А дело было в том, что поначалу Крещук пошел сам и выследил Витю Ховрина недалеко от его дома – как раз у магазина «Пятерочка».

Недалеке стоял мужик лет тридцати-сорока, с виду пьющий и бывалый. Крещук тоже сделал пьяненький вид, стал пошатываться, растягивать слова. Подошел к мужику:

– Эй, подойди вон к тому и дай ему в рожу. Пятихатку даю на пиво.

– А то! – Мужик тут же бодро и пошел – почти побежал к Ховрину.

Впрочем, вернулся довольно скоро с разбитым носом и быстро набухающим фингалом под глазом. Еще и размазал кровь по лицу, прохрипел:

– Подставил, сука! Блядь, давай на пиво! Замажу кровью!

Крещук отпрыгнул, замахал руками.

– Эй-ей-ей! Потихе! Ладно-ладно, держи!

На том и кончилось.

Пришлось звонить Макарову.

Капитан Макаров свое дело знал и прихватил Ховрина без проблем – что тут говорить – профессионал. Тормознула обычная патрульная машина, оттуда вышли хмурые молчаливые полицейские, проверили у Ховрина документы, обхлопали, посадили в машину и привезли в отдел, но не в районный, что Ховрина сразу насторожило. Макаров ждал Ховрина у входа, завел его в свой кабинет. Сам лично общарил карманы Ховрина, рассматривая достанное и небрежно бросая на стол. Блякнули ключи, шлепнулся паспорт, стукнул мобильник. Внезапно Макаров замер, нахмурившись, приблизил к глазам фээсбэшную визитку.

– Это еще что? – изумленно уставился он на Ховрина.

– Я имею право на телефонный звонок? – пересохшим ртом просипел тот.

Макаров усмехнулся.

– Кинов американских насмотрелся? Запомни: ты вообще не имеешь никаких прав! Потому что ты – никто! А по ебалу не хочешь вместо звонка? Вот это запросто можно организовать, и незамедлительно. Тут же.

Однако, повертев визитку и о чем-то с минуту подумав, придвинул к Ховрину стационарный телефон – какой-то совершенно древний – с засаленными и затертыми кнопками:

– Звони!

Ховрин, холодея, набрал с визитки телефон Гурьева. Тот ответил сразу после первого сигнала, будто ждал звонка с трубкой в руке:

– Слушаю. Гурьев.

– Михаил Петрович? Это Виктор Ховрин. Вы как-то мне дали свою визитку и сказали, что я могу позвонить, если возникнут проблемы с полицией.

Реакция была мгновенная:

– Я помню. Говори, что случилось.

Макаров с явным интересом следил за разговором.

– Я задержан в полиции.

– За что?

– Пока не сказали.

– Какое отделение?

– На Решетникова.

Через десять секунд паузы:

– Дай трубку дознавателю или кто там с тобой рядом.

Ховрин протянул трубку Макарову. Тот взял ее с явным отвращением, прижал к уху:

– Да.

Прослушал фразу, нехотя представился:

– Капитан Макаров.

Слушал всего с минуту, покрутил трубку в руках, с грохотом положил на место, подумал, посмотрел, наклонив голову на Ховрина, с таким видом, как смотрят на аппетитное блюдо, которое поставили на стол по ошибке, а теперь уносят.

– Забирай все и вали! Быстро!

И больше не сказал Ховрину ни слова. Даже больше на него не смотрел, а стоял к нему спиной, глядя сквозь решетку окна и пыльное стекло на улицу. Лучи солнца еле-еле пробивались сюда. И так и не повернулся больше и не сказал ни слова.

Когда Ховрин вышел, Макаров достал из кармана мобильник, собрался набрать номер, но потом снова убрал, выругался и тоже вышел из кабинета. Было о чем подумать.

«Все, засветился, и на этот раз серьезно! Подставили, суки!»

Незнакомый эфэсбэшник в этом кратком разговоре называл его по имени-отчеству, а ведь он ему не представлялся. Сходу пробил, либо знал заранее. Парень точно был подставой! Макаров подумал, что, наконец, точно взяли-таки за хобот. Вопрос: что будет дальше? Будут ломать или перевербуют, потребуют информацию, работать на них против Гилинского и его команды. Но ведь и у Гилинского есть свои люди в правительстве и на самом верху МВД. Паны дерутся, а у холопов чубы трещат. Подработку у Гилинского терять было жалко – хорошие реальные деньги, но, с другой стороны, если снесут голову, то и денег никаких не надо. Пять тысяч евро он отправлял ежемесячно дочке в Швейцарию, где та училась гостиничному бизнесу. Можно было бы и больше, но тогда получалось непедагогично, ей вообще полезно было бы подработать, как делали все студенты, так лучше узнаешь язык, заведешь новых друзей, а не болтаться по ночным клубам, где, как и в России, полно продавцов дури. Как-то раз, будучи в Швейцарии, заходил с ней и с ее подружкой из Словении в местный ночной клуб. Громкость была такая, что невозможно было разговаривать. Сели за столик. Официантка принесла меню, показывала знаками – так было шумно. Взял бутылку вина за пятьдесят франков. Дочка с подружкой растворились в безумной толпе на танцполе, куда выдувался искусственный дым. Еле досидел, пока девчонки, наконец, не устали и не изъявили желание уехать. При нем к ним никто вроде не клеился. А вот к нему самому подсел какой-то белобрысый педрила, что-то хотел, хватал за руку, трогал за колено. Бр-р-р... Чуть не дал там же ему в рыло. Сам Макаров предпочитал рестораны стильные, с хорошей кухней и негромкой музыкой. Неужели этому конец?

У него вдруг возникла ассоциация, тоже связанная с шахматными баталиями Гилинского: внезапная потеря крупной фигуры в начале игры. Еще вся игра впереди, но она уже, считай, проиграна. «Попался. Черт! Черт! Черт!» Он хлопнул кулаком по бедру. Это было как зацепить растяжку. Бзынь – хлопок запала и назад уже не отыграть. Этот парень – точно был подстава, приманка, и он, Макаров, на нее попался. Случайно так быть просто не могло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.